

Галина Дмитриевна Гончарова
Айшет. Магия разума
Серия «Айшет», книга 1
Серия «Колдовские миры»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48671504

Айшет. Магия разума: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-107767-9

Аннотация

Обнаружить в пятнадцать лет, что ты монстр из страшных сказок, нелегко.

Айшет Ланат случайно узнала, что она маг разума, сила вырвалась в момент смертельной опасности. И превратила девушку в отверженную.

Больше нет шансов на тихую жизнь в деревне, на счастливое замужество с любимым, и остается только бегство.

Айшет, ее родители и брат решают уходить туда, где магов ценят и ставят на службу государству. В Раденор, в котором правит Проклятый король.

Но мало решить, надо еще дойти. А вокруг враждебный тебе большой мир, и надо защищать и себя, и родных.

Маги разума – монстры?

Ну так и не обессудьте, и под руку не подворачивайтесь. Я уже иду.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	46
Глава 3	99
Глава 4	134
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Галина Гончарова

Айшет. Магия разума

© Гончарова Г. Д., 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Осенний день, теплый и уютный, окутывает землю своим дымчатым шлейфом. Случаются такие дни ранней осенью, а иногда даже и поздней, если повезет. Сейчас осень была ранней – самое начало, природа еще не начала засыпать, но уже оглядывается по сторонам, поводит листьями деревьев, красит их в золотистый цвет, прячет подальше цветы, украшает лес гроздьями рябины и кутает небо грозowymi облаками.

Сегодня солнце льется с небес как поток золотистого густого меда.

Деревья поводят длинными ветками, ветра сейчас нет, но в лесу никогда не бывает тихо, это словно шепот, который надо уметь услышать. Лес – поет, мурлычет себе под нос сказки, шелестит о чем-то своем, сокровенном, его только надо уметь слушать.

И сейчас он тоже рассказывает свои предания. Прикрой глаза, ощути его, растворись в грозной и спокойной силе, которая насчитывает века, – и поверь.

И в лесовиков, и в нечисть... нет, в нечисть сейчас верить совсем не хочется. И думать – тоже. И делать что-то, даже рукой шевельнуть, чтобы стряхнуть наглого муравья, – лень.

Мне нравится просто лежать на подстеленном плаще, чувствовать рядом тепло сильного мужского тела и ни о чем не думать. Впитывать этот день каждой частичкой своего тела

и наслаждаться покоем.

Я точно знаю, какого цвета покой.

Он нежно-голубой, дымчатый, спокойный, словно чуточку туманное небо. Он родной, он обволакивает, окутывает, лишает желания думать, и то, что в нем проскакивают золотые искорки любви, делает его еще более притягательным.

Драгоценным.

И я наслаждаюсь каждой минутой, каждым вздохом, каждым драгоценным мгновением.

– Ша-а-а-ни!!! Ша-а-а-анька!

Вопль был совершенно неуместным здесь и сейчас. Он разрывал осеннюю тишину, нарушал спокойствие и возмущал лес. Так считал мой парень, да и я так считала, но братцу было все равно.

– Ша-а-а-анька!!! Опять с Михом лижешься? Все родителям расскажу!!!

А все так хорошо начиналось!

Мне не так часто удается удрать из-под родительского надзора, а уж в деревню меня и вовсе одну не пускают. Отец у меня лесничий, поэтому живем мы на отшибе, практически в лесу, достаточно далеко от дорог, и дружбы с деревенскими не водим.

Плохие они...

То деревья молодые на дрова порубят, то зверя подстрелят...

Барон Райдош, на землях которого мы и живем, браконье-

ров не одобряет. Отец их ловит, сдает бейлифу¹, а число их все не уменьшается...

Отец не злой, нет, он лес чует и понимает. Знает, где чьи тропы, знает, кто и где поставил силки, и не станет ловить того, кто действительно добывает пропитание своей семье.

Но гадов, которые отстреливают маток с детенышами, которые устраивают ловчие ямы и ставят арбалеты на звериных тропах, он гоняет нещадно. И поделом!

И молодняк на дрова вырубят, нет бы про сухостой спросить, но молодняк же рядом, а до сухостоя идти надо! И тащить его подальше. А то еще пал пустят, чтобы зверье отстрелить...

Всякое бывало. И бывает.

Конечно, никому из деревенских отец не нравится. Кому ж по нраву человек, который завтра может твоего сына или брата отволочь на суд? У нас же как? Если гады-законники кого поймали, это не он виноват! Он белый и пушистый, а вот они, нехорошие люди, подставили, оговорили, оклеветали...

Лично затащили в лес, сунули в руки арбалет и приказали расстрелять лосиху! И плевать, что у нее детеныш!

Сколько раз мы у себя таких зверят выхаживали! Сколько выпустили в лес...

Нас тоже не любят.

Меня, маму, брата – но нам это безразлично. Главное, что

¹ Аналог шерифа. (Прим. авт.)

мы есть друг у друга, а любят там, не любят – всякому мил не будешь. Главное, чтобы близкие тебя любили, а остальной мир – перебьется.

– Шани? – Мих коснулся моих волос. Я улыбнулась парню. Шани – это сокращенное имя, для родных, для своих. Почему-то Миху нравится именно оно. Я не возражаю.

Не важно, как меня называют, важна интонация. И теплые золотистые лучики любви, которые тянутся от него ко мне.

А полное мое имя – Айшет, Айшет Ланат. Семья у нас небольшая, мой отец – Шем Ланат, мама, Айнара Ланат, и братик, Корс. Отец бродит по лесу, брат когда с ним, а когда и дома, мама и я – мы ведем хозяйство и ждем мужчин.

И все у нас хорошо...

Только вот Мих...

Мы познакомились не так давно, с полгода назад. Я как раз шла к роднику, а он заблудился. Ну и выбрел прямо на меня. И застыл, что тот дорожный столб.

Говорит, никогда никого красивее не видел.

Влюбился с первого взгляда.

Я... я, наверное, тоже. Никого красивее Муха я не видела. Он высокий, светловолосый, голубоглазый, и руки у него сильные и теплые...

И не надо думать плохого. Ничего между нами не было, я девушка приличная. Да и... неправильно это. Говорят, в городе девушка может хоть с десятком парней перевалиться, а потом замуж пойдет как ни в чем не бывало. Так то в городе.

В деревне свадьба – это ритуал. К нему лет десять готовятся, как приданое себе начинают шить, а потом еще сорок лет после вспоминают, а то и дольше.

В назначенный день родители жениха приезжают к невесте во двор, выкупать ее, потом отец невесты им отдает приданое, и надо, чтобы оно было не меньше выкупа, не то позор. Скажут – ленивая девка, не напряла, не наткала, не нашила... бывало, и свадьбы срывались, от такого-то позора.

А народ собирается, поддерживает жениха с невестой шуточками, иногда и до драки доходит раньше, чем до алтаря, да много чего вспомнить можно, но скучно никому не бывает.

Потом жених с невестой едут к холопу Светлого, он в ближайшую деревню два раза в год как раз и навещается, обвенчать молодых да детей освятить, потом гулянка начинается, а потом и брачная ночь. Тоже – строго по обычаю.

Стелют постель особым образом, бросают сверху белую простыню, которую невеста специально сама ткет ради такого дня, и наутро показывают всем пятно крови.

Эту простыню жена всю жизнь хранить будет, сильнее ее талисмана нет. Если ребенок заболит, его обязательно надо в эту простыню завернуть, в ней сила первой крови...

У мамы тоже такая есть.

Корс наконец нашел нас и встал, смешной такой, руки в боки.

Братцу всего семь лет, но ведет он себя как взрослый. Ста-

рается, и выглядит это умилительно. Он и вообще у меня такой... обаяшка, весь в отца.

Темные растрепанные волосы кудрями, яркие зеленые глаза – мамины, мои-то карие, попроще, а вот улыбка у него совершенно точно отцовская. Умилительная и плутовская.

– Я долго ждать буду? Шанька, там папа кабана принес, дел по горло, тебя щас родители искать начнут! Тогда наплачешься!

Я бросила извиняющийся взгляд на Миха:

– Прости. Бежать надо...

Мой парень улыбнулся. Потом притянул меня поближе, поцеловал в щеку, я привычно покраснела. Рыжая, вот и вспыхиваю в секунду.

– Жди через два дня с вестями. С отцом поговорю, да и к вам, свататься.

Я поежилась:

– Страшновато как-то...

– Двум смертям не бывать. Не век же нам по кустам прятаться...

Корс солидно кивнул:

– Это верно. Шанька у нас девушка честная, так что хватит врать-то. Женитесь уже!

Гаденьш мелкий! Получишь ты у меня на орехи!

Мих рассмеялся.

– Вот через два дня и решим. Или сам приду, или сватов зашлю. Шани, согласна?

Я... как описать это состояние?

Какие слова подобрать, чтобы рассказать про ощущение невероятного, безудержного счастья.

Он – мой. Он меня любит. И жениться хочет, и дом у нас будет, как у мамы с папой, такой, что каждый угол там пронизан светом любви. Теплым, ласковым, золотистым...

Мы будем очень счастливы...

Корс солидно кивнул:

– А раз так... Шань, пошли? Время не терпит...

Я кивнула. Повернулась к Миху, коснулась его щеки...

– Я буду ждать.

Я не говорила о своей любви. Но Мих и так все понял. И улыбнулся мне в ответ. Нежно-нежно...

В его голубых глазах не было ничего, кроме любви. Любовь сияла, любовь заливала светом лесную поляну, любовь согревала меня солнечными лучами...

Какая же я счастливая!

* * *

Сколько возни с кабаном?

Ох, много...

Папа его, конечно, разделает, но и нам потрудиться придется. Нарезать мясо на полосы для коптильни, промыть кишки для колбас, нарубить часть мяса, чтобы набить их...

Мы занимаемся мясом, а мужчины – шкурой. Ее тоже на-

до выделывать. И голову сохранить, может, папа ее продаст по осени.

Не все умеют охотиться, но похвалиться трофеями – дело другое, а кабан оказался матерущим. Здоровый секач, клыки в ладонь. Папа бил зверя в глаз, чтобы не попортить ни шкуру, ни голову.

И мама смотрит на меня, серьезно, вдумчиво...

– Шани, ты ничего мне рассказать не хочешь?

Я вздрогнула.

Вот как у мамы это получается?

Пара слов, и я уже готова все выложить. И ведь не соврешь, не увильнешь от ответа, но чуть потянуть время можно.

– Мам, а почему мы живем одни?

– Потому что не все твоего папу любят.

– А как мне быть? Мне уже пятнадцать лет, мне замуж пора...

Мамин взгляд стал острым, ярким, впился иголкой.

– И есть за кого? Вижу, есть... кто он, Айшет?

Я прикусила губу. Полгода тайну хранила, рассказывать было страшновато. Но сейчас или через два дня, все равно открываться надо. И я решилась.

– Его зовут Мих Лемерт. Он сын деревенского старосты.

– Лемерт, – пробормотала мама. Подумала пару минут. – Давно вы встречаетесь?

– Мам!

Я только глазами захлопала. Вот в этом вся мама. Молчит, смотрит, а потом вопрос, как стрела – и кабану в глаз. Или под лопатку – и насмерть.

– Айшет Ланат!

В мамином голосе слышался рокот приближающейся грозы. Мама у меня такая, ее даже отец старается не злить. Она добрая, мягкая, спокойная, но если уж взбеленится...

Вот тут – не подходи.

– Мам, мы уже давно друг друга знаем, почти полгода.

– Он тебя любит?

– Да.

– А ты его?

– Да...

– Где вы познакомились?

– Он заблудился, а я как раз шла за водой...

Я никак не могла понять, что думает мама. Обычно все было ясно – спокойные зеленые тона жизни или розоватые – любви, красноватое раздражение, золотое тепло...

Сейчас ее словно облако закрывало.

Мама непонятно усмехнулась... с горечью?

– Да, молодость не удержишь...

Я не поняла, о чем мама сейчас говорит, но ответила честно:

– Мих мне предложение сделал, он все по-доброму хочет, в храм меня отвести, как положено.

– Вот как...

Мама подняла руку, потерять лоб, вовремя заметила, что пальцы испачканы в крови, и поспешно опустила ладонь.

– Шани...

И голос такой странный, не радостный, не довольный – наоборот? Словно я что-то плохое сказала или сделала? Почему?

– Мам, если он попросит моей руки – вы согласитесь?

Мама посмотрела серьезно:

– Шани, детка, мы сегодня поговорим обо всем за ужином. Обещаю.

И мало доброго было в ее голосе. Я невольно выставила иголки, словно ежик.

– Но что в этом такого? Мне уже пятнадцать! В деревне в моем возрасте у некоторых и по двое детей бывает! А мы тут сидим с Корсом в лесу, как два филина, света не видим!

– Зато и свет вас не видит, – непонятно пробормотала мама. – И это к лучшему.

– Мам?

– Пока – помолчи. Поговорим вечером, а сейчас изволь работать.

Обещаний мама не нарушала никогда. Что мне оставалось? Только кивнуть и заняться делом. Грязная, конечно, работа, свиные кишки промывать, но если кто понимает толк в колбасе, с травами, с кусочками поджаренного сала, чуть-чуть подкопченной на угляках...

Я целое кольцо могу съесть. Вкуснотища необыкновен-

ная!

* * *

Почему я еще не замужем, хотя мне уже пятнадцать? На то есть несколько причин, и серьезных. Мама с отцом не слишком общительны. Мы живем в лесу, выбираясь изредка в деревню, и там мама меня строго стережет. И одевает строже.

Платок на голову, темное платье, волосы заплетены в тугую косу, чтобы рыжие вихры не выбивались во все стороны...

Да и берут меня в деревню реже, чем папа туда ездит. Не каждый раз и не через раз, хотя я просилась. Но родители были против – оба, пришлось смириться. Мы почти ни с кем не общаемся. С людьми разговаривает папа, а меня мама даже в деревенскую лавку не пускает. Приходится в телеге ждать, с братом или отцом.

Да и пришлые они. И папа и мама – не местные уроженцы. Они не любят об этом говорить, но у нас с Корсом создалось впечатление, что родители откуда-то сбежали. И чего-то боятся.

Чего может бояться наш папа, я так и не придумала, хотя версии были одна другой краше. От закона он не спасается, иначе не стал бы лесничим. Это работа такая, что надо быть на виду. Рано или поздно попадешься.

Может, он незаконный сын знатного вельможи?

Или моя мама – дочь аристократа?

Или?..

Гадать можно долго и безуспешно. Родители не торопятся делиться секретами. Может быть, сегодня вечером мне удастся приподнять завесу тайны над их прошлым? Кто знает?

* * *

За ужином у нас разговоры не ведутся.

Только когда все поели, отложили ложки в сторону, а мы с мамой принесли ягодный взвар, варенье и сушеные яблоки, мама начала разговор.

– Шем, мы с Шани сегодня говорили...

– О чем же?

В глазах отца была тревога, которой я не могла понять. Нет, не могла...

И все же! Тревога вспыхивала вокруг него оранжевыми искрами большого костра, и в такт пульсировал красным маминым страх.

Да что тут происходит?!

Что не так?! Чего я не понимаю?!

Молчание нарушил Корс.

– Шань, ты маме про Миха рассказала?

– Да, – кивнула я.

Братик сиял голубыми и розовыми искрами довольного и

счастливого ребенка. У него все было хорошо, он радовался, что больше ничего не надо скрывать. А вот все остальные не радовались, вовсе даже наоборот.

– Что за Мих? – уточнил отец недобрым голосом.

– Мих Лемерт. – Я за собой вины не чувствовала. – Он сын старосты, из деревни. Мы встречаемся и хотим пожениться.

Отец медленно положил руки на стол. Сжал кулаки.

– И давно?

– Да уж с полгода.

– У меня под носом. Старый я дурак... Корс?

– Да, пап?

Братик за собой тоже вины не чувствовал. А я видела, как наливаются вокруг отца грозовые тучи, пульсируют, свиваются в глухую черную воронку, готовятся разразиться громом и молниями. И даже предупредить брата не могла. Мама как-то цепко взяла меня за руку и сжала. Крепко, давая понять, что своеволия не потерпит. Мне оставалось лишь молчать.

– Давно ты знаешь?

– О Михе? Месяца три, а что?

Брат уже начал понимать, что все не так просто, что ему сейчас достанется, но пока не понимал – за что? И тут отец врезал кулаком по столу.

– Молчали? Скрывали? Иди к себе, щенок, я с тобой еще поговорю.

– Что не так, пап?

Корса мы обожали, и мальчишка пользовался этим без зазрения совести, но сегодня нашла коса на камень. Не помогли ни умильная гримаска, ни хлопанье ресницами.

– Иди. К себе. Немедленно.

– Пап!

– И на охоту ты со мной еще год не пойдешь, – припечатал отец. – Твоя сестра ведет себя как распутная девка, а ты ее покрываешь?

– Я не!..

Я аж задохнулась от несправедливости, хотела встать, крикнуть, но мама как-то перехватила мою руку, нажала на точку на кисти...

Больно.

Ай!!!

– Мама?

– Сиди и молчи, – приказала мама. Никогда я от нее такого голоса не слышала, даже когда мы с Корсом решили набрать первых ягод и на четыре часа удрали в лес, не предупредив. Даже тогда она так не злилась. А сейчас...

Ничего не понимаю!

– Родителям врешь, скрываешь... Своим – никогда не врут. Запомни это. Нас четверо друг у друга, а ты нам врешь, подличаешь за спиной, оба тихушничаете!

Корс выглядел смущенным.

– Пап...

– Иди к себе. Я с тобой еще поговорю.

Брат вздохнул, вышел из-за стола и отправился в спальню. О сладком он и не заговорил.

Отец у нас хоть и любящий, а розгу обчистить может, еще как.

А я осталась.

Отец посмотрел на меня:

– Теперь с тобой, Шани. Что это за глупости с Лемертом?

Я выпрямилась, принимая первый в своей жизни бой. Никогда раньше я с родителями не спорила, а сейчас вот пришлось. Но я ведь взрослая! Сколько можно диктовать мне свои условия? Сколько можно меня учить? Я своих детей уж год как завести могу, а все на поводке бегаю!

Гнев помог мне бестрепетно глядеть отцу в глаза.

– Пап, я его люблю.

– А он тебя?

– Тоже. – Я даже удивилась вопросу.

– Да? А что ж он со мной поговорить не пришел? По-честному? Что ж по кустам прятался? Или надеялся, что ты ему в кустах и отдашься?

– Папа!!! Я бы никогда...

Отец смотрел испытующе.

– Шани, что у вас было?

– Ничего. – Я вспомнила, как Мих обнимал меня, тепло его рук, робкие поцелуи... Но дальше-то мы не заходили! Он даже мне за пазуху руку никогда не запускал. Хотел, да, я видела, но не делал. Уважал мое решение...

– Обнимались, но до серьезного не дошли, – перевела мама.

Я посмотрела на нее, не понимая – откуда мама знает? Я же ничего не сказала! Вообще!

– Мам? Ты...

– Знаю, – отмахнулась мама. – Знаю... нет, Шем. Тут нам повезло.

– Ну хоть тут.

– Мих меня замуж зовет! По-честному! – возмутилась я.

Отец прищурился:

– Да неужели?

– Сказал, отец сватов пришлет.

Отец с мамой переглянулись. И... я заметила нечто странное. Словно от матери к отцу поток пробежал. Не сильный, но отчетливый. Как будто два озера на миг соединили перемычкой, а потом ее опять не стало.

Так бывает?

Никогда не знала...

– Мам?

Мама вздохнула:

– Айшет Ланат, сейчас ты нам дашь слово.

– Какое, мам?

– Если у парня серьезные намерения, а не просто тебя в стогу повалить... подчеркиваю – если!

Я закивала. Серьезные, я ведь *вижу*!

– Мы поговорим с ним, но до семнадцати лет ты замуж

не пойдешь.

– Что?!

Я подскочила, задохнулась от возмущения.

Почему так? Да в мои года у девушек уже по ребенку бывает, а у кого и по два! Почему?!

– До. Семнадцати. Лет, – отдельно повторил отец. – И на то есть причины.

– А я не имею права их знать? – Я впервые бунтовала настолько откровенно. – Нет?! Вы мою судьбу решать взяли!!!

– Мы – твои родители.

– Не хозяйева же! Рабства у нас нет!

Родители как-то непонятно переглянулись.

– Нет... у нас – нет, – подтвердил отец.

– Айшет, у нас *есть* серьезные причины. – Мама кивнула, подтверждая мое право на знание. – Ты знаешь, что у меня была сестра?

И при чем тут одно к другому?

– Да, ты говорила.

– Она умерла при родах. Я потом говорила с врачом, он сказал, что женщины в нашем роду раньше семнадцати не созревают. Для нас рожать раньше – смерть. Боюсь, что и для тебя тоже... ты ведь моя дочь. Вспомни, у меня между тобой и Корсом было два мертвых ребенка...

Я помнила. Только верить в это не хотелось, никак не хотелось.

– А вдруг я не в тебя пошла? В папу?

Мама как-то криво улыбнулась.

– Ты так думаешь?

Да, мы похожи. Настолько похожи, что нас за сестер принимают. Иногда, если вместе увидят без платков и любимых мамой покрывал.

Мы с мамой обе одинаково невысокие, рыжеволосые, с выраженной грудью и бедрами, с тонкой талией. Черты лица у нас тоже похожи: высокий лоб, короткий прямой нос, черные брови и ресницы...

Только подбородок у меня папин. Мамин более округлый и с ямочкой, а у меня он упрямый, выдвинутый вперед, без слов говорящий о моем вредном характере. И еще глаза. У мамы они серые, словно грозовое небо, а у меня золоти-сто-карие. Почти золотые.

Я резко выдохнула.

– Мам... то есть я могу умереть при родах? Если не со-зрею?

– А почему мы тебя так прячем? – удивилась мама моему вопросу. – Почему не возим никуда?

– Но...

– В семнадцать и объяснили бы, и разрешили. А сейчас... вот скажи, если ты Миху всю правду про нашу семью расскажешь – он поймет?

Я подумала пару минут и замотала головой.

– Не, не поймет. В деревне семья должна быть большая.

– И его родителям?

Я представила картину и схватилась за голову:

– Точно скажут, что я гнилая...

И жизни потом не дадут. Но... как тогда?

– Мы, конечно, сватам пока откажем. До семнадцати, Шани. Если дождется, значит, и правда любит. Но ты-то понимаешь, как мы влипли?

Папа смотрел строго. И я опустила голову, понимая, что всех подвела.

– Я правда не думала...

– Это мы уже поняли, – кивнула мама. – А теперь расскажи, как вы познакомились?

Как?

Я прикрыла глаза, и передо мной появилась лесная поляна.

Я шла с ведрами к ручью. Это привычная ноша, папа сделал для меня небольшие ведра, и я носила их по десять-двадцать раз на день.

Вот и в этот раз...

Я наклонилась над ручьем, набирая воду маленьким бочажком, который отец для нас с мамой отделал деревом, и услышала:

– Век бы смотрел!

Ведро я упустила.

И пока мы его вылавливали длинной веткой, пока я ждала, когда схлынет муть... так и разговорились. Так и позна-

КОМИЛИСЬ.

Мих как раз заплутал и не мог найти дорогу домой.

Отец недобро рассмеялся.

– Где заплутал? У реки?

– Эм-м-м...

Вот об этом я не подумала. А и правда – как? Река течет с заката на рассвет, деревня стоит у реки, иди сначала по течению ручейка, благо они в наших краях все в реку впадают, потом вдоль реки...

Не ошибешься и не заплутаешь.

Но...

– Мих мне соврал?

Отец пожал плечами:

– Все возможно.

– Но... я бы поняла, что мне лгут! Я бы *увидела!*

Мама с папой переглянулись так, что я поняла – я сейчас подтвердила какие-то их опасения. И отец вздохнул:

– вполне возможно, что Мих не планировал ваше знакомство. Но воспользовался моментом.

– Он же не врал?

– Допустим, с утра он заплутал, потом вышел к ручью, пошел по нему, разобрался уже, куда идти... понимаешь, Шани? Есть прямая ложь, которую ты можешь увидеть, есть полуправда, есть недоговорки... вариантов много. Не стоит верить чужим, люди преследуют только свою выгоду.

Я медленно кивнула.

Да, я поняла.

Но ведь потом Мих меня не обманывал! Он меня любит, действительно любит!

– Если ваше знакомство началось со лжи, в нем и дальше добра не будет, – вздохнула мама, привычно отвечая на невысказанный вопрос. – Ради тебя мы не погоним нахала, дадим ему шанс. Но только ради тебя. Посмотрим, что он скажет.

Я расслабилась. Чуть-чуть...

– Пап, мам... Мих – хороший. Вы сами все поймете, честное слово!

Отец покачал головой:

– Посмотрим. Но не раньше семнадцати, Шани. Ты поняла?

Я поняла. Но... Недолго ведь осталось! Года полтора всего... ну, чуть побольше. Это же можно подождать? Не пять лет, не десять...

Правда?

* * *

С Михом я поговорить так и не смогла.

Корс, получивший от отца крепкую трепку, смотрел волком, мама неусыпно бдила за нами обоими, так что сбежать братик в деревню не мог, да и не побежал бы, а передать записку...

Мих читать не умеет. Кое-как, и то через слово.

Когда на второй день к нам в дом заявился староста Лемерт с супругой, дородной и серьезной Милавой, я как раз полола сорняки.

Хотела было разогнуться, пройти в дом, помочь маме, ну и послушать, интересно же... но мама так на меня глянула, что я прикусила язык.

– Вот только попробуй крутиться поблизости, – предупредила она. – Уши оборву. И чтобы сорняки, когда я вернусь, выполола, на двух грядках. Не сделаешь – неделю не сядешь. Поняла, Шани?

Мне розгой тоже доставалось, и в реальность угрозы я верила.

Но обидно же!

Вот за что они так со мной?

Мама ушла в дом.

Я сверлила взглядом открытые окна.

Далеко. Нет, не услышу... отсюда – никак не услышу, это если только под самое окно подобраться, тогда можно разобрать. А так – никак.

Я дернула из земли толстый осотовый хвост. Колючий, отожавшийся, налившийся соком. Сорняк поддавался, но плохо. Пришлось обхватить уже двумя руками и потянуть, медленно и со вкусом.

Обида сверлила словно жук-точильщик.

Вот почему они так?

Это ведь и меня касается! Меня, в первую очередь! А они... они...

Гады, хоть и родители... ы-ы-ы-ы-ы...

Слезы сами поползли по щекам. И когда это случилось...

На миг мне показалось, что внутри распрямилось... нечто. словно прут вырвался из корзиночного плетения... а я и не знала, что внутри меня словно сетка. Хлестнуло, свистнуло, разрываясь, нечто внутри меня, и я... слышала голоса?

Я по-прежнему находилась на грядке, зло смотрела на дом и – слышала.

– ...нынче будет хороший.

Эти слова произнес отец Миха. Наверняка. Я почти видела, как шевелятся розовые губы в окладистой светлой бороде, как он оглаживает ее тяжелой рукой, как смотрит серыми глазами на моего отца.

Мих почти ничего не взял от матери. Да и не понравилась мне будущая свекровка.

Толстая, сразу видно – характер скверный, все вокруг нее окрашено красно-бурыми тонами раздражительности, подозрения, желтые брызги, потеки. Хоть и зовут ее Милавой, да милого в ней мало. Похоже, она еще и болеет. А, не важно.

– Будет. И зверье в этот год сытое, довольное, – согласился отец.

Деревенский этикет. Сразу о деле говорить нельзя, надо сначала про урожай, про соседей, про семью, про здоровье,

а потом уж можно и о важном.

Интересно, сколько еще придется слушать всю эту ерунду? Оказалось, не очень много. Староста Лемерт прокашлялся, приступая к действительно важному для него делу. Сватовству сына.

Старшего, любимого, родного...

– Я вот с чем пришел, Шем. Со мной сын говорил.

Отец молчал. Староста явно чувствовал себя не слишком уверенно, но продолжал свою речь, явно заранее готовился, размышлял, как и что сказать.

– Он с дочерью твоей познакомился. Слюбилось у них, теперь вот за нами дело.

Отец вздохнул. Откуда я знаю, что ему это все не нравится? Откуда?

– Я говорил с Айшет. У них ничего серьезного пока нет, так, детский лепет... И мое слово такое. До семнадцати лет я дочь замуж не выдам.

От свекровки потянуло удовольствием. От старосты – недоумением.

– Почему? Ты, Шем, в наших краях пришлый, но видеть-то должен? У нас в семнадцать девка – перестарок, в пятнадцать самое время для свадеб.

– Вижу, не слепой. А слова своего не поменяю, в моем роду так принято. До семнадцати ни-ни. Даже невест в род мужа отдают только в семнадцать, чтобы раньше не случилось чего. Дело молодое, кровь горячая...

– Странно...

– Сколько людей, столько и обычаев. Я, староста, здесь человек пришлый. Это верно. А только не дурак... ты ведь сыну не мою дочь в жены прочил, так? Чай, и сговор был уже?

От старосты плеснуло растерянностью, а от его жены... радостью? Злостью?

И не понять, все сразу, все вперемешку.

– Был сговор, – признал староста. – С Рианой Респен его сговорили, уж лет шесть как. Респен...

– Мельницу держит, знаю. И родство хорошее, и семья...

– И приданое хорошее, – согласилась старостиха. – А только Мих как больной. Подавай ему Айшет – и все, другие не любви.

– На то у молодых родители есть, чтобы ума им вкладывать, – вкрадчиво произнес отец.

На миг в домике повисло молчание.

От отца тянет раздражением, которое он тщательно скрывает. Мама молчит, но я знаю, сейчас она хоть и суетится вокруг стола, подливает эль в бокалы, подкладывает пироги в тарелку, но успевает переглядываться с отцом. И поддерживает его. Каждым взглядом, каждым жестом.

Вот так, правильно...

Староста явно испытывает облегчение. Он худшего ждал, а ему дали... надежду? На то, что Мих меня разлюбит? Не понимаю...

Старостиха довольна. Явственно тянет ее удовольствием, аж сквозь стены... счастлива, толстуха.

– Так ты считаешь, что раньше семнадцать...

– Воля ваша, а раньше дочку не отдам. И сговор заключать не буду, дело молодое, мало ли кто по сердцу придется. А сыну передайте – поймаю, так своей рукой штаны спущу и так всыплю, что не до девок будет. Вчера одну бросил, завтра другую покинет...

Отец говорил не слишком приятные вещи, но от гостей тянуло удовольствием. Странно так...

– Еще эля? – вмешалась мама. Тихо-тихо... почему я это слышу?

– А налей. Хороший у тебя эль, Шем. Откуда берешь?

– Жена варит.

– Хорошая у тебя жена, Шем.

– Я на ней женился, когда Айнаре семнадцать было, – с намеком произнес отец.

Староста опустил руку на стол, мягко, но увесисто, словно приговорив.

– Значит, так и тут порешим. Сколько твоей дочери до семнадцати-то?

– Почти два года.

Неправда! Полтора... ладно, год и восемь месяцев! Папа, почему ты говоришь именно так?! Этими словами, этим голосом, почему ты уже сейчас разлучаешь нас с Михом? Что происходит?!

– Вот и пусть два года ждут, как полагается. Дождутся – их воля. Не дождутся, значит, Светлый так решил, не нам и спорить.

Отец решительно кивнул:

– За дочкой я пригляжу. А вы за сыном присмотрели бы, уважаемые?

Старостиха кивнула не менее решительно:

– Как не присмотреть, Ланат. Как не приглядеть... дело молодое, дурное.

– Вот-вот, лишнюю бы дурь парню и поубавить. Поработал бы, так и времени на беготню по лесам не останется, – намекнул отец.

Дальше я не слушала.

Руки привычно драли сорняки, а слезы текли сами. Обидно было до соплей. За что родители с нами так поступили? Мы им доверились, свои чувства показали, всё выложили, а они...

Что с одной стороны, что с другой – почему нам нельзя любить? Радоваться, быть счастливыми? Просто – за что нас так?!

За поцелуем потянулся, а оплеуху получил, так и выходит!

Мы ж не блудить, мы всё честь по чести хотим, и Мих меня любит... а отец сейчас впрямую сказал, что нашей свадьбе не быть, и староста с тем согласен, и жена его счастлива! За полтора-то года что угодно сделать можно. И папа ведь не помилует, не согласится ни с чем... почему?

Больно... так больно...

* * *

Мама пришла ко мне, когда гости ушли. Одобрительно кивнула, потом пригляделась ко мне.

– Подслушала?

– И близко к дому не подходила, – буркнула я. – Вон следы посмотри.

– А чего тогда сопли до подбородка?

– А чего ты удивляешься? – Я серьезно обиделась на родителей и проявлять почтение не собиралась. Да мама его и не ждала. – Зачем вы так сделали?

– Как – так?

– Вам же не хочется почему-то, чтобы я и Мих вместе были. Да?

Мама медленно кивнула:

– Не хочется. И что?

– Почему? Дело ведь не только в твоей сестре, нет, там и что-то еще есть! Чего я еще о себе не знаю?!

Я почти кричала, понимая, что права. Что попала сейчас в точку.

Мама сдвинула брови, покачала головой:

– Тебе это пока рано знать.

– Мама!!!

– И не ори на меня. В семнадцать я тебе все расскажу, а

до тех пор – нишкни.

И произнесено это было, словно гранитная плита сверху легла. Мама своего решения не переменит, нет. Оставалось только скрипнуть зубами.

– Хоть с Михом видеться дадите?

– Только если рядом кто-то из старших будет. Мы или его родители. А о кустах – забудь!

Я молча развернулась к грядке.

Можно орать, кричать, топтать ногами – это ничего не поменяет, еще и оплеух получу. Остается только смириться для вида – и ждать.

Мих меня любит, а я его люблю. Мыждемся друг друга. Обязательно.

* * *

Дуплистое дерево на берегу ручья, в котором мы оставляли друг другу записочки, я проверила вечером, когда пошла за водой.

Рука привычно скользнула в гладкую щель на коре и коснулась крохотного клочка пергамента.

Смешно, наверное.

Когда у нас с Михом зашел разговор, как нам встречаться, мы два часа головы ломали. А то ж!

У меня хозяйство и братишка, у него своих обязанностей полно, просто так не вырвешься. Заранее предупреждать на-

до...

Тут-то я и удивилась.

Нас с Корсом мама читать учила, и писать тоже, перья и бумага у нас в доме были чем-то обычным, равно как и купленные у бродячих торговцев книги. И я любила посидеть с томиком перед очагом, переделав всю заданную мамой работу.

А Мих не умел ни читать, ни писать. Вообще...

Буквы знал, примерно половину, кое-как свое имя мог на-карябать, тем и ограничился.

Учиться дальше он не хотел, крестьянину это ни к чему. Но дать знать друг другу... как?

Идея, вычитанная мной в одной из книжек, была проста.

Берется клочок пергамента. По нему проводятся угольком – сколько? Ага, сейчас две черточки. Значит на второй день от сегодняшнего.

Когда? Не ждать же целый день?

На одной из черточек жирная точка, ближе к ее концу. Вечером надо исхитриться и сходить за водой. Или за чем-то еще... да мало ли дел по дому?

С одной скотиной возни... хоть коров мы и не держали, но пара-тройка козочек в сарае бляла, а еще курицы, утки...

Лес – лесом, хозяйство – хозяйством.

Выберусь.

Родители нам видятся, конечно, запретили, ну так что же? Я не бежать с Михом собираюсь и не в стогу валяться, а

просто видеться. Ведь больно же!

Почему они с нами так поступают?

Не понимаю, нет, не понимаю, чего рассердился отец. Я слишком мало знаю, а спросить и не у кого. Так-то.

* * *

Мих появился точно в назначенное время.

Усталый, осунувшийся, с запавшими глазами.

– Шани!

Я молча бросилась ему на шею. Прижалась, чувствуя, как окутывает золотистое облако тепла и света, как смывает оно боль и горечь, как исчезают куда-то усталость и тоска.

Любовь. Что может быть лучше?

Не скоро мы отпустили друг друга.

– Твои к нам свататься приходили, – шепнула я. Почему-то говорить громко не хотелось.

Я знала, что поблизости никого нет, и все же...

– Отец вернулся радостный, что твои отказали, – поделился Мих. – Выпил с дядькой и разговорился, а я подслушал. Мол, твой батяня человек разумный, понимает, кто и кому пара. Полтора года у них есть, чтобы меня с Ринкой свести, как быка племенного!

Я кивнула:

– Мне сказали, что раньше семнадцати меня не выдадут замуж. И с тобой видеться запретили.

Мих вздохнул.

А потом бросился, как в ледяную воду:

– Шани, давай поженимся?

Я аж воздухом подавилась.

– К-как?

– Вот так! Давай как к нам холоп приедет, так и поженимся? Бросимся ему в ноги, немного денег у меня есть, уж не откажет.

– А если твои родители при этом будут? Нас же мигом... по стойлам разведут.

Мих расправил плечи.

– Я и сам могу избу поставить! Не ребенок уже! И поле распахать, и семью прокормить, а не по нраву кому, так я и в другую деревню переберусь! Наш барон не самодур какой, а работник я хороший!

Я медленно кивнула.

Что ж, и это выход. И ждать долго не придется. Мы не знаем, когда приедет холоп, через месяц или два, но уж всяко до моих семнадцати!

– Родители разозлятся.

– И что с того? Погневаются, да и простят.

– Тогда надо что-то сразу решать с домом. Мих, ты представляешь, как нам будет, если и твои и мои объединятся?

Мих представил, мрачно сопнул носом.

– Да, шума будет... Ты права, Шани. Я с Форсом поговорю, он один живет, старый уже, ни сил нет, ни зрения. Пред-

ложу ему – мы поженимся и у него поселимся, он за нами свой век доживет, а мы не на улице окажемся. Хоть сразу, хоть потом...

Я кивнула.

Идея была хорошая, так в деревне делалось, и не раз.

Всякое бывало. И болезнь людей выкашивала, и в город дети подавались, так что случалось, старики оставались одни. Вот в таких случаях и разрешал староста подселение молодым семьям.

Свою выгоду получали обе стороны.

За стариками ухаживали, приглядывали и без куска хлеба в старости не оставляли, староста следил. А и то сказать, не зарекайся. Мало ли что у тебя в старости будет?

А молодые получали крышу над головой и более-менее обработанные поля.

Так и тянулось год за годом.

– Поговори. Если он твоему отцу сразу не расскажет...

Мих сопнул носом еще раз.

– Ладно. Подумаю... уж поверь, без крыши над головой не останемся, найду куда жену привести.

Я и не сомневалась. От Мухи тянуло травянистыми тонами уверенности, решительности. Он взрослел на глазах...

Мой...

Надежный, уверенный, спокойный, любимый... мой!

И я со вздохом прильнула к твердому плечу, купаясь в его любви и даря свою в ответ. Как же хорошо...

* * *

Теперь мы встречались на бегу. Урывками, тайно...

Мих обрадовал, что холоп обещался приехать через два месяца. Надо было просто продержаться это время.

Я и держалась.

Недооценила родителей.

Кусочек пергамента лежал на своем обычном месте. Три черточки, на третьей, ближе к началу, точка. Рано утром...

* * *

Утро в лесу.

Какое оно – это утро?

Загадочное.

Приоткроешь дверь – и выскальзываешь в колдовской мир. Серый, паутинный, пока еще полусонный, чуть заметно поблескивающий капельками росы. Туман клубится меж древесных стволов, обвивает их прихотливыми завитками, льнет, словно верный пес к ногам.

Трава еще не шуршит – она мокрая, она упруго пригибается под ногами и кажется почти черной.

До поры.

Пока не проснется солнце.

И как же разительно изменится картина леса!

Роса вспыхивает миллионами, мириадами радужных огней, она повсюду, на деревьях, на траве, на паутине – и туман сам собой исчезает, растворяется, не выдержав столь ослепительной красоты. И каждое дерево, каждый куст сияют бриллиантами, а солнце еще даже не проснулось. Оно только-только выбирается из-за горизонта, недовольно почесывая сосновыми стволами толстенькое брюшко, оно еще примеряется рассияться...

Минута между тьмой и светом, между ночью и утром... недолгий момент, но такой драгоценный!

Рано утром, скользя по росе и поеживаясь от заползающих под одежду плетей тумана, я спешила к ручью.

Зря.

На берегу, на нашем месте, сидел отец. Пересыпал из горсти в горсть песок, смотрел грустно и укоризненно.

Я сначала застыла на месте, а потом махнула рукой и подошла. Все равно ведь...

Если отец здесь – значит все им известно. И ему с мамой, и родителям Миха, наверное. Да?

Это я и спросила.

– Нет, только нам.

– А откуда?

– Мама заподозрила, – усмехнулся отец, – она тебя хорошо знает...

То есть?

– Ты просто так никогда не смиришься. Если молчишь – значит нашла обходной путь, знаю я тебя.

Я фыркнула.

– Знаешь, пап. Кому, как не вам, и знать?

– Ты ведь не успокоишься. И мальчик твой тоже не успокоится.

Я развела руками:

– Пап, мы взрослые. Неужели мы не можем сами решать, кого любить, с кем жить?

– Решать можно, если знаешь обо всех последствиях своего решения. А ты о них и не догадываешься.

– Так, может, стоит мне рассказать?

– Я подумаю. А теперь – иди домой.

Я даже не шевельнулась, хотя было холодно и неудобно.

– Мы все равно будем вместе.

– Может, и так. Но сейчас учти – если поймаю, всю шкуру со спины спущу.

Я удивленно распахнула глаза.

Папа нас почти никогда не бил. Несколько раз, да, но переживал сильнее нас с Корсом. А тут вдруг...

– За что? Просто за встречу с любимым? Папа!

– Шани, ты не знаешь, чем рискуешь.

Не знаю! И кто в этом виноват?

– Так расскажите!

– Иди. Домой.

Я посмотрела на графитовые облака, которые клубились

вокруг отца, и поняла, что ничего-то тут не получится. Вот в эту минуту – не получится.

– Мих... придет?

– А вот это не твое дело.

Мне оставалось только скрипнуть зубами, развернуться и отправиться домой.

Чтобы наткнуться дома на мамин взгляд. Грустный, укоризненный...

Не подействовало! Вот ни разу!

Я встретила мамин взгляд, не отводя глаз. И неизвестно, чем бы кончилось наше противостояние, но проснулся, загремел пятками по половицам Корс, и мы одновременно отвернулись.

– Доброе утро!

И улыбка. Широкая, спокойная улыбка счастливого ребенка.

Я и сама недавно так улыбалась. Но...

Почему со мной так поступают? Что происходит?

Внутри зрела, росла гадюка протеста, свивала холодные чешуйчатые кольца. Недалек тот день, когда она зашипит и ужалит.

* * *

Мих появился у нас на пороге через три дня.

Осунувшийся, бледный, серьезный... как же мне хотелось

кинуться ему на шею! Сказать, что люблю, что дождусь, что все будет хорошо... даже этого мне не дали!

Мама была рядом. Покачала головой так, что у меня руки опустились, и сама пошла к парню.

– Опять заблудились? Дорогу показать?

Мих покачал головой:

– Госпожа Ланат, я к вашему мужу. Нет его дома?

– Скоро будет. – Мама пожала плечами. Кивнула в сторону колоды под навесом, где у нас дрова хранились, предлагая присесть. – Хотите – ждите.

– Я... можно я пока с Шани поговорю? Пожалуйста?

Мама ненадолго задумалась. Потом кивнула:

– При мне – можно.

– Госпожа Ланат...

– Не испытывай моего терпения, Мих Лемерт. Айшет – моя дочь.

Сказано было увесисто. Мих вздохнул – и покорился.

* * *

Мы не можем ничего. Ни обняться, ни взяться за руки, ни даже сказать то, что накипело в душе.

Под маминым взглядом у меня язык морозом сковало. Но наши глаза не молчали, нет...

– *Я люблю тебя.*

– *Я тебя тоже люблю. Ты подождешь?*

– Я обязательно дождусь. Вот увидишь, мы будем вместе! Мы будем счастливы...

Кто сказал? Кто ответил?

Не важно!

Мы смотрим друг на друга, и Мих буквально светится от любви. Но почему мама глядит с такой грустью? Что она видит? Что понимает? ЧТО?!

Вслух мы произносим какие-то глупости, но это напоказ. А по-настоящему говорят не наши слова, а наши сердца, наши души...

Моя душа поет под его взглядом. И кажется, что за спиной распахиваются громадные белые крылья и несут меня куда-то ввысь. В небеса...

– Просто картина. Гость явился?

Голос отца издевательски разрезает воздух, словно ножом вспарывает. Мих дергается всем телом, поворачивается к нему.

– Господин Ланат...

Поклон получается неловким. Отец смотрит на это с насмешкой, его забавляет и деревенский увалень, и его вежливость, такая неуклюжая и неуместная, такая наигранная... откуда я это знаю?! Почему я так думаю?!

– Допустим, я. Так что надо-то?

– Я... – Мих комкает в руках шапку, мнется, а потом выпаливает с неожиданной храбростью: – Господин Ланат, разрешите нам с Шани хотя бы видеться наедине? Пожалуй-

ста...

Отец прищуривается:

– Видеться? Ну, пойдем в дом, поговорим по-мужски.

Я дергаюсь вслед за ними, но мама уверенно разворачивает меня к грядке.

– Тыквами займись. Приду – проверю.

Да что ж это такое?

– И воды в бочку принеси. Ведра я тебе сейчас дам.

Я скрипнула зубами. Она это нарочно?

Я подозреваю, что да.

* * *

Мих ушел от нас спустя два часа.

Подслушать не удалось, мама бдела, аки дракон над сокровищами, отправляя меня то в курятник, то еще за водой, то...

Потом из дома вышел грустный Мих, весь окрашенный темно-фиолетовыми тонами, вслед за ним вышел недовольный отец, явно разговор им не пришелся по душе. Ни одному, ни второму. Попрощаться нам дали. Но с таким видом, словно хуже ничего и быть не может.

Мих скрылся в лесу, отец посмотрел на маму и покачал головой:

– Этот – не уймется.

Мама вспыхнула желто-оранжевым.

Тревога, беспокойство...

Да что такое?!

– Ты уверен?

– Более чем.

– А может...

– Нет, Нарри. Мы должны все рассказать детям, иначе будет намного хуже.

Мама покачала головой:

– Шем... хотя бы год. Два...

– Шани уже не ребенок. В чем-то она права – в этом возрасте в деревнях своих нянчат.

– Да! – вставила я.

– И мы детей от всего не убереем, как бы нам этого ни хотелось.

Мама вся искрилась оранжевым, темно-красным, серым, черным, я понимала, что она серьезно переживает, расстроена, нервничает, но...

Как найти ответ на вопрос, если нет никаких исходных?

– Ладно, – наконец решилась она. – Давай мы поговорим с детьми вечером.

Мы переглянулись с Корсом.

Ну, вечером – это неплохо. По крайней мере, не через год, не через два что-то мы да узнаем. И можно будет объяснить Миху, а не просто запрещать. Я же поняла, что папа его шуганул от дома... Ну почему так? Мы ведь любим друг друга! Это нечестно!

Глава 2

Вечер нарочно задержался сегодня. День тянулся как смола, медленно, липко и назойливо, ужин не готовился, и ели родители в три раза медленнее, чем обычно.

Мы с Корсом извертели на стульях.

Наконец папа отодвинул тарелку и почесал в затылке. Вокруг него клубились серые облака, почти черные, свинцовые, тоскливые, и иногда в них проблескивали зеленоватые молнии. Что-то давило, и сильно, папа был не уверен ни в решении, ни в результате, но...

– Мы очень надеялись, что у нас будет хотя бы пара лет, – честно признался он. – Хотя бы пара лет, но вы не оставляете нам выбора. Мы прятали Шани, ждали, что Корс повзрослеет...

– Я давно уже не ребенок! – нахмурился Корс.

Мама покачала головой. Рыжие ее волосы блеснули огнем, не хуже того, что играл в очаге.

– Корс... сказанное сейчас приведет нашу семью на эшафот.

Брат закрыл рот. Я, наоборот, его открыла.

Эшафот?

Как?

За что?!

– И все же этот разговор необходим. – Мама запустила

тонкие пальцы в волосы. – Мы не можем уйти, но и остаться мы тоже не сможем... так, как сейчас – нет, не сможем...

Отец медленно наклонил голову, подтверждая мамины слова, заставляя нас поверить, что все демонски серьезно.

– Шани, Корс, я вас еще раз предупреждаю. Одно лишнее слово – и нас убьют. Всех. И нас, и вас... понимаете? Это не игра. Так и будет.

Облако серого страха накрыло стол, заставило похолодеть кровь в жилах, и сердце стукнуло резко-резко, а потом опять забилося, затрепыхалось пойманной птицей. Холод проник в каждый уголок тела и разума, оледенил ноги, заставил сжать пальцы, в тщетной попытке согреться... страх?

Нет. Ужас. Глубинный и не поддающийся рассудку ужас, тот, который заставляет детей с криком просыпаться по ночам и бежать в постель к родителям. Тот, от которого не скрыться взрослым.

И не сбежать. Некуда.

Глядя на меня, побледнел и Корс. Чувствительный к чужому настроению, братик испугался вслед за нами.

– Вижу, поняли. Тогда слушайте. – Отец сцепил пальцы, и только я поняла – почему. Они дрожали.

Отец боялся чего-то так сильно, что не мог сдержать этой дрожи.

Мой самый смелый и сильный папа на свете. Мой самый лучший папа...

– Мы не отсюда. Не из Риолона. Мы – из Тиртана.

Мы с Корсом переглянулись.

Тиртан... да, я знала об этой стране. Но – что с того? Неужели все тиртанские беженцы должны быть убиты? Почему?

– Я служил в охране трей²... ладно. Его имя вам ни о чем не скажет. – Отец взмахнул рукой. – Что такое гарем – объяснить надо?

Я покачала головой.

Мама рассказывала. Она много о чем рассказывала, учила нас, объясняла, показывала... Только сейчас я задумалась – ведь у нас дома было то, чего нельзя было найти у крестьян.

Книги.

Мама покупала их у разносчиков и в лавках, тонкие и толстые, землеописания и истории о любви, сказания бродячих певцов и святые списки...

Она легко писала и читала, считала в уме, и мы с Корсом тоже...

А ведь Мих не умеет читать. Я знаю, он сам сказал, когда застал меня с книгой. Я тогда просто не задумалась... почему? Почему я не думала над такими очевидными вещами?

– Я в ту ночь стоял на часах. А Нарі пыталась сбежать, – просто объяснил отец. – Я поймал ее, но тревогу не поднял. Заглянул ей в глаза и пропал. Мы сбежали вместе в ту ночь. Сначала – от трей, потом из Тиртана, на корабле контрабандистов, и мы прожили первые несколько лет в рыбацкой де-

² Трей – аналог вельможи в Тиртане. (Прим. авт.)

ревне. Там и родилась ты, Шани.

– Я не помню...

– Тебе было года два, когда мы уехали оттуда. Трей Си... он не смирился. Он знал, что Айнара сбежала, догадывался, что мы сбежали вместе, и, видимо, смог напасть на след. Мы уехали из деревни и стали искать новое место. Кочевали по Риолону, потом я узнал о месте лесничего и решил попробовать. Барону нужен был человек со стороны, который не станет потакать местным, будет держаться за место, – я таким и оказался. Мы здесь вот уже восьмой год.

– Надеюсь, что наш след потеряли. – Мама вздохнула. – Трей... это горькая история. Мне было восемь лет, когда нас с сестрой отдали в его гарем. За неуплату долгов нашим отцом взяли нас с Айшет.

Я вскинула голову:

– Мама?

– Да. Я назвала тебя в честь моей сестры. Шани, она заменила мне мать. Она вырастила меня. Она была всего на три года старше, но стала для меня самым родным человеком, отдала мне сердце и душу, всю себя вложила. Учила меня, дарила тепло и любовь, только благодаря ей я не сошла с ума – тогда.

– Тогда? – Я не хотела задавать этот вопрос, но откуда-то во мне зрела странная уверенность.

Так надо. Здесь и сейчас – надо.

Мама кивнула.

– Да. В гареме троя девочек приводили к нему, когда те бросят первую кровь. Со мной это случилось в двенадцать лет.

Я поежилась.

Да, в деревне бывало всякое, но раньше четырнадцати девочек замуж всяко не отдавали. Не из-за традиций или еще каких-то глупостей, из расчета. Малолетка не выживет, умрет при родах, напрасный расход получится, вот и все. А в неведомом мне Тиртани, значит, так...

Прикусила губу. И маму, в двенадцать лет, повели как корову к быку на случку...

Гады!

Твари!!!

– Я чуть с ума тогда не сошла. Сестра была рядом, помогла, поддержала. Айшет всегда была рядом, но ей это не помогло. Она умерла при родах, и тут я не солгала, Шани.

– Но ведь и не договорила?

– Нет. – Мама опустила голову. – Меня не просто так взяли в гарем. Не за красоту – у троя были девушки куда как краше моего. За кровь. В нашем роду давным-давно были маги разума.

Я фыркнула и рассмеялась.

Маги разума?

Мам, ну какие маги? Это старые сказки, это смешно! Да, где-то они есть, но их так мало...

Смех сам по себе застрял у меня в горле. Мама смотрела

так, что сомнений не оставалось – она не шутит, ни капельки не шутит.

– Поверь, Шани, это не просто слова. Это – было. Шесть поколений назад, моя прапрабабка была магом разума. Слабеньким, поэтому никто о ней не знал, но семье хватило.

– На что хватило? – встрял Корс.

– А на все, сынок. – Мама смотрела ласково. – Вот представь, что ты можешь прочесть, о чем думает человек. Вообще любой человек. И не только прочесть, но и внушить ему, что пожелаешь. Любые мысли, любые чувства, и человек все выполнит. Этому воздействию даже другие маги поддаются. А если делать все аккуратно, никто и не подумает на мага, и не заметит... К примеру, Шани может приказать любому парню в деревне за ней бегать. Нравится?

Я представила себе картину и замотала головой.

Нет, не нравится. Отвратительно, гадко превращать человека в марионетку на ниточках!

– Прапрабабка была слабым магом, она внушать ничего не могла, – вздохнула мать. – Только читать. И этого хватило, чтобы прапрадед разбогател. Сильно...

– А потом?

– Несколько поколений в семье этого дара не было. Хотя девочки рождались похожие, рыжие. – Мама развела руками. – Прорыв случился у моей матери.

– Она смогла...

– Мама могла читать мысли и внушать свои. Она была

сильным магом – и неосторожным, – с горечью произнесла моя мать. – Отец... он был слабый, глупый, только вот и достоинств, что в матери души не чаял, а она в нем. Это важно, Шани. Маг разума видит все мысли человека насквозь и понимает, кто его любит, кто не любит... Мих тебя любит?

– Да.

– Откуда ты знаешь?

– Вижу. Он светится так, тепло...

– Но что именно он думает... мыслей ты не слышишь, так?

Я покачала головой:

– Нет, мам.

– Только облака. Только цвета, верно?

– А откуда ты знаешь?

– Сестра рассказывала, а ей мать. Отец наш попробовал разбогатеть, но не ко времени. Мать ждала третьего ребенка, мальчика, и отец захотел, чтобы к его рождению были деньги, и побольше... одним словом, мать перенапряглась, скинула младенца и умерла. Отца бросили в долговую яму, нас продали трею...

Меня аж передернуло, словно по спине сосулькой провели.

– Он не знал... хотя нет, он наверняка знал о ваших способностях, да?

– Да, Шани. Знал. И я иногда подозреваю, что именно он стоял за проблемами нашего отца, за смертью матери... в роду трея тоже было нечто подобное, только там не маги разу-

ма, там маги земли. Это как спящая кровь, но если она есть с двух сторон – пробудить ее легче. Он хотел ребенка с даром мага, а каким – не важно. Ценны были бы и тот и другой.

Я замотала головой, не желая верить. Корс успел вперед меня.

– Мам... но это бред какой-то?

– Почему же? Такой ребенок может быть полезен, очень полезен...

– А потом он решит убить трюя и бежать. Маг земли-то? Землетрясение устроит и убежит под шумок, алмазов себе накопает? Или родится маг разума, тогда он внушит трюю что-то такое, вроде дать денег, доставить на корабль? Почему нет?

– Малыш, – мама вздохнула печально и протяжно, – поверь мне, контролировать можно любого. Есть блокираторы для магии, есть методы обработки, есть боль, голод, специальные травы, да и силы человеческие не беспредельны. Если маг может только читать, к примеру?

– Он будет знать, как к нему относятся...

– И что толку?

Корс посопел, не желая сдаваться.

– Можно же придумать что-то?

– А зачем? В гареме тепло, уютно, кормят-поят... за его стенами намного хуже. И те, кто в нем рожден, не знают другой жизни. Ее знали мы с сестрой, и нам не нравилось происходящее. Айшет забеременела и умерла при родах. Я же

решила, что не останусь в гареме. Случай подвернулся пятнадцать лет назад.

А что у нас тогда случилось?

– Тиртан сильно поссорился с Раденором, – ответила на невысказанный вопрос мама. – Войны не получилось, но его высочество Александр Раденор прошелся вдоль побережья Тиртана, поднимая зомби со всех доступных кладбищ. Сколько погибло тогда... а мне вот повезло сбежать. Началась суматоха, и под шумок я удрала.

– Я как раз нанялся охранять трей. – Отец развел руками. – Нари действительно попала ко мне в руки, и отпустить я ее не смог. Бежали вместе, в той суматохе кого угодно потерять можно было.

– Но вас ищут? – уточнила я.

– Где-то мы промахнулись. Или когда золото продавали, или когда контрабандистам платили, или... все возможно. Трей искал тщательно, уж поверьте.

Как же мне не хотелось задавать этот вопрос. Но...

– Просто так? Просто искал?

Мама смотрела с искренним сочувствием. Она понимала вопрос и знала ответ. И я его тоже знала. Уже знала...

– Нет. Меня искали потому, что я была беременна.

* * *

Мир не рухнул.

Не взвился огонь в очаге, не закричала за окном птица, не разразился ураган.

И все же мой мир дрогнул и изменился.

– Я... я дочь насильника? Тиртанца?

Мама медленно опустила голову.

– Шани, я не хотела рассказывать тебе слишком рано. Так получилось... да. Айшет умерла родами, трей сожалел о ней, но не как о человеке. Как о матери возможного чудо-ребенка. Когда я поняла, что уже второй месяц в тягости, у меня хватило ума промолчать. Проверила, как смогла, поняла, что жду ребенка, и решила, что убегу. Лучше уж под забором подохнуть, чем вот так... чтобы тебя отняли сразу после рождения, *правильно* воспитывать, а меня опять оплодотворили! Не хочу!

– И ты сбежала...

Мама кивнула.

– Была жуткая ночь. Гроза разразилась... говорят, если рядом творится сильная магия, погода портится. Шторм ахнул, волны были выше домов, молнии били... одна ударила в дом трея. Начался пожар, все метались, кричали, я не растерялась. Схватила шкатулку с украшениями, кое-какую одежду потеплее – и бросилась бежать. Пока никто не приглядывал. Наткнулась на Шема...

– Да уж... вылезает это чудо из окна, оглядывается... я должен был схватить ее и доставить обратно. И – не смог.

– Потому что магия? – не удержалась я.

Мама покачала головой:

– Нет, Шани. Мне этого дара не досталось, так, чуть-чуть. Это же магия разума... я могу почувствовать, как человек ко мне относится, иногда как пробои случаются – с предчувствиями, с вопросами, но и только. Что-то внушить человеку я никогда не смогу. Разве что с мужем у нас взаимопонимание. Но тут другое, любимого человека всегда понимаешь, как себя.

Я выдохнула.

– Мам, может, и я?..

– К сожалению – нет. Ты не помнишь этого... способности у тебя проявились очень рано, малышка. Где-то года в три.

– Нет, не помню...

Мама кивает и принимается рассказывать.

И перед нашими глазами как вживую встают зеленый луг с цветами, женщина, которая лежит на одеяле, ей тяжело двигаться, большой живот мешает, и девочка, которая носится вокруг. Смешная, рыженькая, в одной рубашонке и босиком...

– Мам, смотри... – Буквы она еще выговаривает плохо, картавит...

На ладошке сидит ящерица. Сидит, вертит головкой, даже не пытается удрать.

– Я сейчас ее поплосу...

Девочка пристально смотрит на ящерицу, и под взглядом малышки ящерка начинает прыгать на месте. Потом ложит-

ся на спинку, задрав лапки, позволяет чесать себе шейку и брюшко и даже не пытается убежать...

Мать подскакивает на месте.

– Шани?

– Смесная, плавда?

– Да, дочка. Очень. Это ты ее... просишь?

– Да, мам. А сто?

– Ничего, солнышко. Ничего. Отпусти ящерку, Шани, ее дома ждут.

– Холосо... А кто ее ждет?

– Детки, как ты...

Женщина принимается рассказывать историю про ящерку и ее деток, а сама внимательно вглядывается в девочку.

Неужели?..

И все яснее понимает, что – да. Проклятый дар все же проявился в малышке. Дар не земли, дар разума. Что же делать, что теперь делать?

* * *

– И что вы сделали, мам?

– Я не зря говорила, что в Тиргане придумали способ держать в повиновении таких, как мы. Посмотри на свою левую руку!

Ничего нового я на ней не увидела.

На руке была одежда. Под одеждой, как и всегда... брас-

лет?

– Мой браслет, мам? Да?

– Да, Шани. Не весь, там внутри вставка из камня... когда-то этот браслет был моим ошейником.

– Что?!

– Да. Так в Тиртане контролируют магов. Ошейник и блокиратор – и ты ничего не можешь. Ты не опасен. Правда, для тебя блокировка оказалась слабовата.

– Что?

– Ты часто говорила мне о цветах. О чувствах и их окраске, зайка. Помнишь?

Еще бы мне было не помнить.

– Мам, так это...

– Да, Шани. Это – оно.

Вот уж никогда не подумала бы!

Я знала, что чувства имеют цвет, что можно увидеть, о чем думает человек... но я не думала, что это как-то странно!

Темный!

– Мам, но...

– Ты же не общалась с другими детьми, малышка. Ты постоянно была при мне, и жили мы уединенно. Мы боялись.

Мир медленно окрашивается в черные тона. Мои родители. Боялись.

– Меня?

– Нет. ЗА тебя.

Я выдыхаю. Медленно-медленно, словно воздух из меня

выходит вперемишку с иглками.

– А...

Мама смотрит ласково, и темный жгут, который стиснул мое сердце, постепенно рассеивается. Потоки золотистого света заливают комнату.

– Разве мы можем бояться свою дочку?

– Свою родную девочку, – поддерживают отец.

И я понимаю, что я действительно *их* дочь. И не важно, кто там был, трей или кто-то еще, а у меня есть самые лучшие в мире мама и папа.

Так-то!

Мама улыбается:

– Поняла?

– Да. Пап, мам... а что теперь?

– А теперь... – Отец вздохнул. – Теперь сделай то, чего мы не хотели. Сними браслет.

– ЧТО?!

– Шани, а как еще можно проверить и убедиться? Если бы Мих не был настойчив, если бы ты не шла ему навстречу, мы бы подождали до семнадцати лет, а то и дольше.

– Чем раньше начинает проявляться дар, тем он сильнее, – шепнула мама. – Мы догадывались, что будет тяжело, но... Светлый, как же это не ко времени!

Я уронила голову на стол.

– Может, не надо?

– Надо, Шани. Здесь и сейчас, где все свои, ты снимаешь

браслет, потом опять надеваешь его и говоришь, что почувствовала и увидела. А потом подумай, как ты будешь жить в деревне с этим даром. Просто – как?

Я закатала рукав.

И в первый раз, словно на ядовитую змею, поглядела на простой браслет. Серебряный, простое заручье, обхватывающее руку чуть выше локтя. Незамкнутый.

Неширокий, в два пальца.

– Ошейник...

– Да, Шани. Мы его распилили, когда получилось. Оказалось, что там камень, который вделан в серебро, он блокирует способности. Ну и не стали выкидывать, мало ли что? Как видишь, пригодилось.

Я видела.

И ведь ношу с детства, даже в голову не приходило, что это блокиратор! С чего бы? Мне просто мама его подарила, и я его носила, сначала подвязывала кожаным ремешком, как взрослая, потом доросла до браслета, чтобы он не свалился...

Я медленно выдохнула – и стянула серебряную полосу с руки.

* * *

Я чувствовала себя, как человек, который упал в ручей головой.

И теперь меня несет, вертит, крутит...

И это – больно!

Нет, не так! Это БОЛЬНО!!!

Три человека. Три взгляда. Три потока мыслей.

Корс.

Самый резвый и быстрый поток, самый резкий и расплывчатый. Мысли скачут во все стороны, и кажется, что ты пытаешься удержаться верхом на диком кабане. Причем не в восторге от этого и ты, и кабан.

«Интересно, Шанька правда мысли читать сможет? Тогда она про удочку узнает. И про Миха, и про то, как я им муравьев подсунул... а кусачие были, заразы... зато на них хорошо рыбу прикармливать... но если отец узнает, я потом на задницу долго не сяду...»

Мамин поток мыслей, более ровный.

«Неужели дочь все-таки унаследовала этот дар? Страшно... Бедная моя девочка».

Всплывает в памяти мамы лицо полного мужчины лет сорока, с окладистой черной бородой, с жестокими черными глазами, и я понимаю – это ОН.

Мой настоящий отец.

«Трей Элиас Сирант был мразью и подонком, но дар у него в роду был. И если он усилился... Шани? Неужели... Нет!!! ПРОЧЬ!!!»

Это похоже на кастрюлю с молоком.

Мысли мамы, до того более-менее упорядоченные, вдруг

вскипают. И я просто ничего не могу в них разобрать, столько там всего намешано. Испуг, страх, боль, тоска, лица рыжеволосой девушки и черноволосого мужчины сливаются в дикую мешанину, и я бегу, чтобы не потеряться в ней.

И в отчаянии перевожу взгляд на отца.

Там только одна мысль. И от этого становится спокойнее и уютнее.

«Я так и знал».

Я закрываю лицо руками, но не могу отгородиться от сплошного потока.

Удочка, муравьи, Мих, я сама, опять муравьи и рыбина...

Отчаяние, страх, трей Сирант, Тиртан, картины золотистой песчаной страны и опять страх, море, и желание бежать...

Холодное спокойствие человека, который понимает, что худшее уже произошло. Теперь надо что-то с этим делать.

Я захлебываюсь в этом потоке, тону в нем и не знаю, куда деться от льющихся со всех сторон мыслей. И именно отцовская рука надевает на меня браслет, отсекая их. Оставляя только чувства.

Разноцветные, яркие...

Восторг и ужас со стороны Корса, мамино отчаяние, отцовскую решимость принять бой...

– Светлый! Что это такое?

На стол капает красная капля, вторая...

Из носа у меня пошла кровь. Почему? Что случилось?

Мама встает и протягивает мне полотенце.

– Прижми. И запрокинь голову.

Я так и делаю. Сейчас, остановится кровь, и мы поговорим. Светлый, за что?

За что ты наказал меня таким... даром?

Ну уж – нет! Это не дар, это проклятие!

* * *

Кровь долго не успокаивалась. Но говорить мне это не мешало.

– Почему?

– Что именно? Я же мыслей не читаю, Шани.

Говорит отец, как самый спокойный. Я моргаю глазами и крепче прижимаю полотенце к носу.

– Пап, почему только сейчас? Почему вы раньше молчали? Почему меня не учили? Почему – так?

Отец смотрел ласково и тепло.

– Солнышко, а как ты себе это представляешь? Шани, ты наша дочь и маг разума – в перспективе? Сильный маг?

Я подумала.

Представила себе эту картину, впечатлилась, подумала еще раз.

– Я бы не рассказала! Никому!

– И не начала бы снимать браслет? Тренироваться? Пробовать свои силы?

– Эм-м-м...

Я задумалась еще раз.

Начала бы?

Нет?

Начала бы... папа прав, полностью и целиком. Я попробовала бы, хоть с животными, хоть с кем, я бы не устояла.

– Если человек делит свое поведение на две половинки, допустим, дома ты вела бы себя как маг разума, а на людях как обычный ребенок, ты бы выдала себя, Шани. Рано или поздно, так или иначе... это как хорошие манеры. Аристократ никогда не сможет стать крестьянином – и наоборот. Из крестьянки не сделаешь герцогиню.

Я и не спорила, сдались они мне, что первые, что вторые. Но... неужели мама права?

– Мы – другие. Мы тиртанцы, мы иначе говорим, иначе двигаемся, думаем, мы лет семь кочевали с места на место, привыкая к Риолону. Потом уже осели на баронских землях, и то – сколько раз мы были в деревне?

Мало.

– Мы с кем-то водим дружбу?

– Н-нет... я думала, это потому, что папа – лесник? И от него браконьерам достается?

– И так тоже. Но ведь лес большой, тут не уследишь, здесь упустишь, всегда есть возможность договориться, подружиться? Понимаешь?

Я понимала. Мих пару раз о чем-то таком говорил, просто

мне было неинтересно. Папа ведь знает, как лучше?

– Понимаю.

– Мы живем на отшибе не просто так. Мы стараемся держаться подальше от людей...

– Сколько? Всю жизнь?

Отец вздохнул. Опустил голову, помолчал пару минут...

– Не знаю, Шани. Просто – не знаю. Мы старались убедить вас. Хорошо ли, плохо, пока Корс был маленьким, мы не имели права рисковать. Или ты бы где-то прокололась, или рядом оказался бы маг или холоп – кто знает? Бежать и скрываться с двумя детьми на руках? Или вообще жить в лесу? Как ты себе это представляешь?

Я не представляла.

Родители были правы. И когда молчали, и когда пытались отвадить Миха...

По сердцу резануло острой болью.

Такой добрый, любящий, такой уютный и родной... Мих окажется смертельно опасным, я знаю. Я не читала его мысли так, как недавно родительские, но я знаю самого Миха. Я знаю, как он отнесется к тому, что я – маг разума.

Чудовище из старых детских сказок.

Монстр, который подчиняет своей воле и заставляет убивать или любить... и еще поди разбери, что хуже? Я помню, я рассказывала ему одну из сказок. Там маг разума подчинял себе людей, заставил купца написать завещание в свою пользу, женился на девушке, которой внушил ответные чув-

ства... там много всего было.

Потом маг попался, его сожгли, а девушка вышла замуж за любимого. Настоящего, а не наколдованного.

Мих тогда сказал – правильно. Я помню. И добавил, что таким тварям самое место на костре. Только вот я – именно такая. Я помню свои ощущения и знаю теперь, что могу внушать. Управлять, приказывать... наверное, я многое смогу. Если не растеряюсь, конечно. Меня просто вытолкнуло, как пробку из бутылки с забродившим хлебным вином. Но если я начну упражняться?

А я ведь начну, я не смогу теперь удержаться, никак... Мих этого не одобрит. Я уверена. Можно, конечно, попробовать намекнуть... нет, не на себя. А просто – рассказать еще одну сказку. Я придумаю, какую, я могу... и посмотреть на его чувства.

– А почему я вижу чувства даже в блокираторе?

– Потому что твой дар сильнее, – пожалала плечами мама. – Но когда ты с браслетом, он едва работает. Так-то и у обычных людей бывает...

– Кто-то тоже... видит?

– Нет. Просто магия разума самая легкая и самая страшная. Если у человека едва искра скачет, никогда он чужие мысли не прочитает. Но с любым человеком поладить сможет, будет инстинктивно знать, что сказать, как подойти, куда прогнуться...

– Выгодно получается.

– Очень. Но если дар сильный... ты от нас троих свалилась с кровотечением. А если десять человек? Или двадцать?

Я представила себе эту картину и содрогнулась.

– Мам, я бы с ума сошла!

– И сходили. И такое бывало. Мать говорила, кстати, что дар раскрывается при потрясениях. У нее вот – когда она полюбила, замуж вышла...

– Мам, а она деда не?..

– Не привораживала? Не знаю, Шани. Кто ж скажет теперь?

– А почему ее не разоблачили?

Мама рассмеялась. Весело и легко.

– Шани, милая, это Тирган. Женщина живет в гареме и практически оттуда не выходит. Товары приносят торговцы – в дом. Лекарь приходит в дом. Гулять – редко, по саду сколько угодно, а по городу только с отцом, братом или мужем. А уж сколько человек в доме... Маме еще повезло. У них семья была раньше богатая, а потом бедная. Дом большой, а людей мало, семья да пара слуг, она к ним с детства ко всем привыкла, до последней мысли знала. И дар был не сильный поначалу. Приспособилась.

– А потом... я правильно понимаю, она стала сильнее, когда стала женщиной?

– Да, Шани. И говорила, что сила увеличивается с рождением детей. Не знаю, правда или нет.

Я тоже не знала.

Мамина ладонь легла на мои волосы, погладила.

– Давайте остановимся на сегодня? Спать пора... Обещаю, завтра мы еще поговорим. Обдумаем все – и поговорим.

– Мам? Пап? А у меня тоже эти силы могут быть?

Братик молчал почти весь разговор. Но не выдержал.

Мама улыбнулась. Ласково и тепло.

– Нет, сынок. Ты – обычный человек.

– Во-от... Мам, а Шанька может своим даром рыбу на удочку приманить? К примеру? Или рыба слишком умная?

Наверное, это нервное.

Но смеялись мы все. И – до слез.

* * *

Я думала, что долго не усну.

Жизнь – не книга. Это там пишут: «Она думала, металась, лоб горел, руки леденели, пальцы дрожали...»

Я как легла, так и уснула. И проснулась на рассвете.

Привычно подоила и выпустила коз, покормила кур, выгнала уток...

Такие обычные, домашние дела.

Браслет даже не ощущался на руке, за годы я сжилась с ним, он разве что в кожу не врос.

А если снять его? Посмотреть, что у животных с мыслями? Может, я смогу уговорить Тиску не лягаться? А то эта

коз-за...

Да, вот об этом папа с мамой и говорили.

Зная – я бы не удержалась. Сейчас – и то хочется. Так и попадаются маги? Да, именно так. Это как с шикарным платьем, показать-то хочется! Хоть и нельзя, а все равно – тянет.

Жутко.

Мама готовила завтрак, отец уже ушел в лес – разговор там, договор, а браконьеры ждать не станут.

Я пришла на кухню, остановилась в дверях и смотрела, смотрела...

Вот моя мама.

Напеваает что-то, крутится у очага, вытаскивает лепешки, которые, кстати, печет не так, как в Риолоне принято. Я Миша угощала, ему понравилось, но его мать так не делает. Чужая земля, чужой хлеб...

Малышкой она оказалась в гареме, попала на ложе к старому подонку (да, я знаю, что происходит между мужчиной и женщиной, не вконец ведь дура!), потеряла близких и смогла сбежать.

Встретила моего отца, полюбила.

Сколько же в ней стойкости? Сколько силы?

К горлу подкатил комок. Я сделала шаг, другой – и обняла маму что есть сил.

– Мам...

Меня обхватили теплые руки.

– Ну что ты, родная? Не плачь, не надо...

– Мама, я так вас всех люблю! Так люблю!

– Я тоже люблю тебя, родная. Ты – мое чудо. Если бы не ты, я бы никогда не решилась бежать, не встретила Шема, не была бы счастлива. Это все ты, Шани. Не плачь, малышка. Все у нас будет хорошо...

Куда там!

Я рыдала не в три, а в сорок три ручья, и прошло немало времени, прежде чем я успокоилась. И только потом...

– Мам, а где Корс?

– Ушел сегодня с папой. Пусть ходят по лесу... заодно поймет, что не стоит языком болтать лишний раз.

– Он у нас и так умничка!

Мама покачала головой:

– Ребенок, Шани. Ребенок, как и ты! Как же мы хотели протянуть еще хоть пару лет! Хоть годик бы! Хоть сколько...

– И что бы это изменило?

– То. Садись-ка, режь капусту, а я буду рассказывать.

Я повиновалась. И нож послушно располосовал первый вилок чуть не напополам. У нас тупых ножей не водится, у нас самый лучший папа! Который все делает, чтобы нам с мамой легче было, ему о работе по дому напоминать не надо, у нас все ножи острые, все заклепки на месте, все щели проконопачены... да мало ли дел найдется для отца и мужа?

Я резала и слушала. Мама говорила.

– Шани, детка, дар впервые прорезался у тебя в три го-

да. Три. Года. Мы переезжали с места на место, у меня была неудачная беременность, я как раз недавно скинула ребенка... Обстановка была такая, что отец иногда с ума сходил, не зная, где голову приклонить и как заработать на жизнь. Ты знаешь, что такое маги разума?

– Догадываюсь, – грызя кочерыжку, отозвалась я.

– Маги разума, Шани, это не обязательно самые умные дети. Ты смышленная, ты рано научилась читать, ты легко осваиваешь науки, но в три года ты была самым обычным ребенком. Только – с даром мага разума. Ты смеешься – и нам хочется смеяться от счастья. Ты плачешь – и сердце в тоске заходится.

Я поежилась:

– И сейчас?

– Сейчас – нет. Блокиратор работает, и сейчас ты не давишь так на окружающих своим даром. А тогда... Мы на тебя его сразу надеть не решились, я же толком ничего не знала. Когда рассказала Шему, что произошло, мы поняли, что надо хватать тебя в охапку и спасаться. Или хотя бы переехать. Жили в пригороде, там народу много, мигом бы неладное заметили.

– А я не снимала блокиратор? Не пыталась?

– Нет, – весело улыбнулась мама. – Ты у меня та еще сорока, всегда любила играть с моими украшениями.

И сейчас люблю...

– Я не понимала разницы? Между блокиратором и волей?

– Три года. Что ты могла тогда понять?

На этот вопрос было ответить сложнее всего. Корс в три года был умненьким, я помню. А я?

Мама продолжала рассказывать.

– У нас денег было – крохи. Мы даже постоянные дворы себе не могли позволить. В трущобах жить не хотел Шем, а остановиться рядом с деревней, подработать по мелочи того-сего... так мы и делали пару месяцев, нигде не останавливались надолго. Знаешь, когда решились?

– Нет.

– Сила в три года проявилась, но тогда, в твои семь, я поняла, что она... через край. Странно, что ты не помнишь. А может, и к лучшему.

– Чего – не помню?

– Нападения.

Нет, не помнила. Ни капельки не помнила.

– Ты потом несколько недель в горячке лежала, а тут и место лесничего подвернулось. Барон эту шайку давно искал...

Мама рассказывала, а у меня перед глазами вставала лесная дорога.

* * *

Обычно люди передвигаются по дорогам с караванами.

Так безопаснее. Спокойнее, уютнее, в караване можно купить место на телеге для себя или вещей, кормежку, а охрана

там по умолчанию.

Можно ехать в почтовой карете. Это быстрее, но дороже, намного дороже.

А можно и так, как мать с отцом. Пешком, с серым осликом в поводу. А на ослике навьючены их нехитрые пожитки, и поверх мешков сидит рыженькая девочка лет пяти-семи. Сидит, нянчит куклу, смотрит по сторонам, улыбается...

Этот способ самый опасный, но быстрый. А еще – он хорош для тех, кто хочет спрятаться от людей. Караванщиков можно расспросить, а если ты просто идешь по дорогам...

Возможны разные опасности.

К примеру...

Откуда он только взялся, этот мужик с окладистой сивой бородой? Только что не было, и вот, стоит! Глядит себе нахально, топором помахивает.

– Стоять! Приехали вы, путнички!

Отец оглядывается по сторонам.

А ведь разбойник не один. Рядом с ним вырастают еще двое, и на дереве ветки шевелятся... лучник. Точно.

Будь отец один, он бы дрался.

У него жена и ребенок, он не сможет их прикрыть. И медленно поднимает руки:

– Хорошо. Я оставляю осла, и мы уходим.

Разбойники гогочут.

Лица искажаются похотью, злобой... мама удивительно хорошенькая, даже в мужской одежде, даже с платком на го-

лове. Не скрывать красоту такими мелочами.

– Ты уходишь. А бабы твои остаются. Хочешь – осла можешь взять, его и е... вместо баб!

Грубое слово срывается с губ разбойника, мама хватается за руку отца.

Он толкает ее к дочери – держитесь вместе.

Айнара все понимает правильно, прижимается к боку ослика, хватая за руку Айшет.

Девочка поднимает на разбойников глаза.

Спокойные, карие...

– Мам, кто это?

И Айнаре вдруг приходит в голову безумная мысль.

Ящерица... люди... даже если дочь лишится дара – лучше дар потерять, чем жизнь. Весьма мучительным способом.

Шем торгуется с разбойниками.

Они угрожают, он угрожает в ответ, говоря, что тут многие полягут. А женщин ему проще самому убить, чем таким в руки отдать...

Айнара же...

– Малышка, это плохие дяди.

– Очень плохие?

– Да. Как сорок разбойников, помнишь?

– Д-да... – Сказку девочка помнит. – Мам, а у них тоже есть сокровища?

– В лесу. Да, малышка. А еще они хотят нас обидеть.

– Почему?

– Потому что разбойники. Бяки. Шани, ты можешь приказать им!

– Что, мам?

Айнара не успевает ничего сказать.

Торгующиеся стороны не приходят к консенсусу, и в пыль дороги перед Шемом ударяет стрела.

Мужчина отпрыгивает назад.

– Нари, прочь!!!

Руки сами тянут из ножен кинжал, только навоюешь им – вместо топора? А оружие доставать некогда... хоть задержать!

Шем ничего не успевает сделать.

Девочка спрыгивает с ослика, на котором сидит. Делает два шага.

– Не смейте обижать папу!

Детский крик. Что сделают разбойники?

Да просто рассмеются.

Не в этот раз. Нет, не в этот раз.

Потому что глаза девочки сияют словно два солнца. Расплавленное золото заливает зрачок, выплескивается в слова. И Шани даже не сомневается, что дяди выполняют ее приказ. Мама же сказала?

– Убирайтесь!!! Плохие, злые, уходите прочь!!!

Кто-то падает с дерева.

Шем оказывается за спиной у дочери и не попадает под волну сырой неоформленной магии, которая выплескивает-

ся из малышки. Детская воля оказывается сильнее взрослой, она гнет и ломает сознания разбойников, она расширяется, охватывая тех, кто попал под приказ... и негодяи разворачиваются. Они и правда собираются уходить.

Только вот Шема это не устраивает. Охранников учат на совесть. Свистят в воздухе ножи.

Один, второй, навзничь оседают два тела – и плевать, что бить в спину неблагородно. Вот про благородство охранникам и не рассказывают!

В два прыжка он оказывается рядом с умирающим, хватается топор...

Шани оседает на материнские руки.

Она свалится в горячке, не приходя в себя. А Шем добьет оглушенных приказом разбойников, а потом схоронит тела в валежнике и пойдет в ближайшую деревню.

Там-то ему и повезет.

В деревне он случайно столкнется с бароном Райдошем. Тот вообще не ездок по полям и селам, но – так получилось. Разбойнички шкодили уже давно, сильно облегчили барону кошелек, вот он и решил приехать, покарать собственноручно. Или собственнотрядно.

А тут Шем. С вопросом, не назначено ли за лихих людей хоть какое вознаграждение?

Барон осмотрел трупы и поинтересовался: не желает ли смельчак к нему в отряд? Личный?

Шем не желал. Аргументов против было даже два – жена

и дочь. Лучше уж подальше от людей бы...

Барон пожал плечами – была бы честь предложена – и предложил Шему место лесничего. А что? Руки на месте, навыки есть, чего еще надо?

Корс родился уже в домике лесника. И жили они на отшибе, пока Шани не заневестилась.

А тогда девочка пришла в себя примерно через две недели. И браслет Айнара надела на нее, еще когда Шани лежала в бреду. Ребенок воздействовал, хоть и неосознанно, но силенки-то вкладывал немерено! Пример разбойников был очень показателен. Шани не перегорела, нет. Но браслет с тех пор не снимала. А о случившемся забыла, как и не было.

Сначала Айнара опраивлялась от выкидыша, потом еще раз был ребенок, которого она скинула, потом Корс появился... как-то так и полетели годы.

* * *

Я ничего этого не помнила. Да и не хотела. Ни к чему.

Но...

– Мам, ты хочешь сказать, что выкидыши... из-за меня?
Да?

– Нет. – Мама покачала головой. – Тут другое. Понимаешь, магам легче рожать от магов. Даже если как у меня – только искорка, все равно. От троя я родила легко и просто. А Шем – обычный человек. Вот и началось... всякое.

– Но ведь Корс...

– Это была третья попытка. Удачная. Но и роды были тяжелые, и Шем решил больше не пытаться.

– А у меня так же будет?

– С Михом? Безусловно.

– Но ведь твоя сестра умерла? А трей был... с магической кровью?

– Ей было всего четырнадцать лет. Шани, всего четырнадцать. Нельзя так рано ни с мужчиной ложиться, ни рожать, это же понятно!

Я кивнула.

– Мам, я понимаю.

Мама поглядела с сомнением. Кажется, она мне не поверила. Да и... вдруг обойдется? У мамы же обошлось! И в деревне у многих обходится...

– А ты понимаешь, что вам придется расстаться с Михом?

И это я тоже понимала. Только легче от понимания не было, вот ни на кончик ногтя.

– Иначе – никак нельзя?

– А он примет тебя? Вот такую, мага с силой разума?

– Нет. А даже если он и примет...

– Ты понимаешь?

– Его родители?

– И родители, и деревня, и ты сама, Шани. Главное – ты сама. Ты не сможешь не использовать свой дар и рано или поздно разрушишь все, что окажется рядом.

– Я такое чудовище?

– Маги разума могут быть страшными, – согласилась мама. – Все эти годы, Шани, я по крупицам собирала знания. Что-то вспомнила, что-то прочитала, дополнила, домыслила... я понимала, что рано или поздно мы столкнемся с этой проблемой и мне надо будет ее решать. Именно мне.

– Потому что ты моя мать?

– Потому что у меня искра, а у тебя – пламя. Кому, как не мне, и рассказывать? Шем мало что знает, а вот я... я даже ему не рассказывала.

Мамины руки привычно управлялись с домашней работой, я помогала и слушала. А что еще оставалось делать?

– Маги разума, Шани. Маг, который может практически все – и не может ничего. Ты можешь приказать любому. Предать, убить, отдать тебе все имущество... ты – сможешь. Но! Везде есть свои подводные камни, так и здесь. Во-первых, это выброс силы. Если ее мало, тебя не отследят. А если сильный маг колдует, его легко засекает Храм. Я думаю, ты не хочешь всю жизнь молиться во славу Светлого и рожать для его же блага?

Я не хотела. Определенно.

– А храмовникам я приказать не смогу?

– А кто вчера кровавые сопли вытирал? Нас всего лишь трое, Шани, а их будет больше. Намного больше.

– Я просто с непривычки! – Мне было немного даже обидно.

Мама фыркнула.

– Да, еще привычку приобрести осталось. Учти, малявка, самый страшный враг любого мага – толпа. И не таких силачей громадьем одолевали. Многолюдьем. Я тебе потом почитать дам, сама поймешь. На сто человек ты, может, и подействуешь, а на тысячу? Пять тысяч? Когда людей много, они разрушают любые заклинания.

– Думаешь, против меня столько выставят?

– Тут уж – как зарвешься.

Зарваться я могла. Это точно.

– А что во-вторых?

– Человек не один на земле живет. К примеру, ты приказала барону, чтобы тот женился на тебе.

– Вот еще! Он старый и противный!

– Не суть важно. Приказать ты ему можешь, но у него есть родня, друзья, слуги, крестьяне, в конце концов... и кто-то точно окажется недоволен этой женитьбой. Не один человек, а много... ты на каждого будешь воздействовать?

– Эм-м-м... не знаю.

– Пережжешь себя – и только. Кстати, это третья опасность. На всех людей силенок не хватит.

– Есть и в-четвертых?

– Есть. Самое опасное.

Я помотала головой.

– Куда уж еще?

– А вот туда, малышка. Ты видела, как папа потрошит жи-

вотных? Ту же свинью?

– Ну да...

– Большое у свиньи сердце?

– Эм-м-м... – Я не понимала, к чему ведет мама, но размер показала.

– А кишечник?

Намного больше. И что? О чем вообще идет разговор? О магах – или о свиньях?

Мама откровенно рассмеялась, глядя на мое растерянное лицо, только смех получился вовсе уж невеселым.

– Шани, детка, с людьми тоже так. Маленькое сердце с благородными порывами – и куча кишок с дерьмом. Пони-маешь? И если увидишь эти кишки – ты можешь возненавидеть человека. До смерти. Его смерти, кстати говоря, убивать-то ты тоже своим даром можешь.

– Это как?

– Ты еще не догадалась? Просто приказать умереть. Или внушить что-то... к примеру, что человеку стало безумно страшно, или что в комнате пламя, или что наводнение... зависит от ситуации.

– Мам, а тебе не страшно мне о таком рассказывать?

– Ты собираешься меня убить?

Я села мимо стула.

– ЧЕГО?!

– Вот и ответ. Нам ничего не грозит, поэтому я обрисовываю тебе все опасности твоего дара. А кому-то другому...

если бы ты не приказала тем разбойникам на дороге, мы бы все умерли. Я, ты, Шем... чьи жизни для меня важнее?

– Уж точно не разбойничьи.

– Вот. Но вернемся к разговору. Ты можешь возненавидеть человека, если узнаешь его до самого нутра.

– А это реально?

Мама пожала плечами:

– Думаю, да. Но магия мудра, я в этом не раз убеждалась. Наверняка есть какая-то защита, что-то можно сделать... только я не знаю, что именно.

– А что вообще ты знаешь о магах разума? Приемы, тренировки...

Мама опустила голову.

– Так я и знала, Шани. Так и знала. Ладно! Пообещай, что перед тем, как снять браслет, ты скажешь об этом мне?

– Обещаю, – дала я слово с чистым сердцем. А чего мне врать? Самой страшновато, как подумаю. Жутко даже.

Через несколько минут передо мной на стол опустилась тетрадь. Самая обычная, простая, такими бродячие разносчики торгуют, из старого, сто раз скобленного пергамента...

– Читай. Авось, что и получится.

– Мам, а...

– Меня – не учили. Вообще. Кто бы стал этим заниматься в гареме?

– А твоя сестра?

– Она сама слишком мало знала. Да и как тут учиться –

в блокираторах, под постоянным присмотром? Нас же ни на минуту не оставляли, трей боялся.

Я кивнула.

– Мам, я обдумую все это, ладно? А потом уж поговорим.

– Конечно, детка.

* * *

Вот такой выбор.

Я сижу на берегу реки, опустив руку в воду.

Вода холодная. И небо холодное и серое, и вода серая, и мир тоже серый, и солнце скрылось, и мне тоскливо и тошно. И гадко на душе...

Мих не виноват.

И я не виновата.

Никто не виноват, если уж и проклинать, то Светлого, который сделал мне сомнительный подарок при рождении. Или Темного. Или трей Сиранта.

Вот уж кому я бы с радостью приказала умереть... я правда так думаю?

Это – я?

Пальцы крепко сжимают браслет.

Будь мама добрее, она бы удавила меня еще в колыбели. Или я бы выгорела тогда, в семь лет, приказав разбойникам уйти...

Не повезло.

А как теперь жить с этим даром? Я не знаю. И река не знает, и лес, и никто не знает...

Ни на кого не свалишь, не пожалуешься, не попросишь... надо самой принимать решение. И выбирать тоже самой. И в чем-то мой выбор уже сделан.

Рано или поздно, так или иначе...

Мама умолчала о пятой опасности, но записала ее в тетрадь.

Маги разума рано или поздно всегда поддаются соблазну легких решений. Вот Милава, моя свекровка. Неужели я не попробую повлиять на нее? Если она начнет наушничать сыну, портить мне жизнь, пакостить... не воспользуюсь случаем?

Я себя знаю, надолго моего терпения не хватит.

Это в родном доме мне тепло, хорошо и уютно, а каково в чужом будет? Даже если мы с Михом своим домом заживем, все одно, от людей не отгородишься. И рано или поздно, так или иначе...

Мое терпение лопнет, грань размоется, и я начну пользоваться своим даром.

Сначала по-крупному, потом по мелочам, а потом... где и когда я перейду грань? Когда мои чувства из любви превратятся в холодное равнодушие?

Когда я возненавижу?

И что я сделаю, когда возненавижу?

Серая вода, серые слезы...

Разве я так много хотела от жизни?

Любить, быть любимой, семью и детей. И – все. Этого каждая женщина хочет! И многие получают... почему мне судьба отказала в том уже при рождении?

За что?

ЗА ЧТО?!!!

Я в ярости бью кулаком по воде. Но вода и так холодная, а лицо – мокрое. Смысла в этом жесте никакого. И в моей жизни – тоже.

Может, утопиться? Здесь и сейчас, поставить точку... всем будет легче! Маме с папой не придется бегать, Корс сможет вырасти и выбрать себе девушку в деревне, трей...

Трей Сирант.

Вот кто виноват во всем!

Я прищурилась.

Ну, погоди ж ты, тварь! Доберусь я до тебя!

Рано или поздно, так или иначе... ты хотел мага разума?

Ты его получишь! И подавишься!

Клянусь!

День все еще серый, и жизнь тоже, но после этого обещания на душе становится немного легче. Папе с мамой я не скажу, но когда-нибудь... так или иначе...

Я доберусь до Тиртана. И мы за все поквитаемся!

Надо бы поговорить с Михом. Родители правы, нам надо расстаться, но что сказать? Что придумать?

Пойти, проверить наше дерево? Просто по привычке?

Хм-м...

И что это такое?

Ключок бумаги. Три черточки и точка на одной из них.

Мих будет ждать меня здесь? Через три дня, на нашем месте?

Что ж. Вот и поговорим. Интересно, хватит ли мне этого времени, чтобы придумать какие-то слова? Доводы?

А может, сказать ему про мамину сестру? Про смерть при родах, про мою возможную смерть? Подействует ли? Надо подумать. Надо очень серьезно над этим подумать.

* * *

В этот раз первой на берег пришла я.

Вот честно – о чем говорить с Михом, я по-прежнему не знала, но расстаться с ним собиралась. Родители это поняли и отпустили меня без споров. А что от них толку? Что они поменяют?

Мы уже обговорили все это с мамой, потом она поговорила с отцом...

Да. Я расстаюсь и с Михом, и со своей мечтой о счастье, и с любовью...

Больно?

Еще не так заболит, я знаю. Только иначе все равно нельзя. Просто – нельзя.

Мих, Мих...

Родной и любимый, недоступный и такой близкий, только руку протяни – и сожги ее себе по локоть. Нельзя.

Пальцы привычным жестом нащупали браслет.

Серебро давно уже не холодит кожу. Я слишком к нему привыкла, даже не замечаю.

– И кто это у нас такой? Айшет Ланат?

Резкий язвительный голос бьет по ушам, ввинчивается в мозг.

Я поворачиваюсь и оказываюсь нос к носу с черноволосой девицей. Она выше меня, смуглая, с черными волосами и карими глазами, худая, как жердь, наверное, даже симпатичная. Иногда. Когда не кривит так лицо.

И не смотрит на человека так, словно перед ней кучка навоза. С таким отвращением, гневом, ненавистью... это как озарение. И от нее во все стороны хлещет алый гнев с проблесками черноты. А сейчас еще и ядовитой желтизны зависти. Но ненависти там больше, намного больше, она просто обжигает, как брошенный в лицо горящий уголь.

И так легко догадаться, кто передо мной, так просто. Даже если бы не хлестала она ненавистью и болью во все стороны. Вот ведь...

Она его тоже любит. И ненавидит меня за то, что я решила его отпустить. Какая горькая ирония.

– Риана Респен?

– Да!

И на моих руках смыкаются цепкие пальцы.

Я верчу головой.

Двое парней, один постарше, второй помоложе... молодые мужики уже, не парни, лет двадцать пять – двадцать семь. Братья, что ли? Похоже на то...

Те же черные волосы, те же злые глаза и длинные носы. А вот чувства другие. Презрение, злость – не так много, похоть, решимость... это у них на двоих. Им не за что меня ненавидеть, только за сестру. Ее и любят, за нее и мстят. За ее обиду и слезы.

Что им от меня надо? Побить? Изнасиловать? Убить? Или все сразу? Судя по смеси чувств, так и будет, и совесть их потом не замучает. Наоборот, еще и гордиться будут, вспоминать за пивом...

В груди медленно закипает злость.

Надолго в неведении меня не оставляют. Риана прищуривается.

– Сейчас ты сдохнешь, сука!

– За что? – Ответ я предполагаю, но хотелось бы знать точно.

– За Миха!!! Он мой, и всегда был мой! А потом ты приперлась... не будешь зариться на чужое! Вообще не будешь! Гадина!!!

Риане явно хочется выговориться, она прохаживается по берегу, но недалеко, слишком уж она зла.

– Ненавижу тебя!!! Сразу поняла, что у него другая есть, думала, переспит и успокоится, а он... он сказал, что все кон-

чено, и ушел! Меня на всю деревню опозорил! Все ты, тварь!
Хорошо, тетка Милава сказала, где искать...

– Хватит, сестренка. Времени мало, – вмешивается один из парней. – Уходи. А мы ее сейчас придушим, а потом в реку скинем, словно оскользнулась, упала, головой ударилась, да и захлебнулась. Никто и не поймет!

Я хотела умереть?

Я передумала. Больше всего на свете, здесь и сейчас, я хотела ЖИТЬ!!! И меня могут убить, просто потому, что деревенская дура приревновала?

Могут...

Страшно...

Так страшно, как никогда не было. И что-то вспыхивает озарением! Словно накатывает что-то, и становится холодно, так холодно...

Риана делает шаг назад. Я вскрикиваю, нарочито умоляюще:

– Подожди!

Она оборачивается со злорадной усмешкой на тонких губах.

– Что?! Страшно?

Я качаю головой:

– Может, я сама расстанусь с Михом? Скажу ему, что не люблю, верну браслет...

– БРАСЛЕТ?!

В Риолоне носят брачные браслеты. Риана подскакивает

ко мне.

– Какой?! Вы что...

Я чуть дергаю плечом, намекая, что показать не могу. Мужики переглядываются, но что страшного в браслете? Что может им сделать девчонка?

Ладно уж, пусть ее... на пару минут!

Риана стаскивает с меня браслет.

– Стерва! Вы что – женаты?! КАК?!

Но я уже почти ее не слушаю. Потому что накатывает шторм.

* * *

Это как буря, как ураган, только в этот раз я в нем не захлебываюсь.

Уже – нет. Второй раз меня врасплох не застанут!

Волна ненависти, боли, злобы, гнева накатывает на меня, но навстречу огню я выпускаю ЭТО. На что оно похоже?

Как будто за моей спиной вздымается лед.

Поднимается торосами, валами, бежит от меня шуговой дорожкой, расходится кругами, накрывает все... накрывает меня.

И огонь умирает.

Ледяной кристалл. Не айсберг, нет, кристалл, это первое, что приходит в голову. Айсберг – это хаотичная стихия, а мой кристалл упорядоченный.

Моя магия как громадный кристалл льда, а я стою в центре, и лед расходится от меня волнами. Захлестывает сначала мужчин, которые стоят вплотную, потом саму Риану...

И я знаю.

Здесь и сейчас – они в моей власти.

Это... пьянит? Пугает? Отвращает?

Нет. Мне это просто безразлично. Разве что-то может волновать – лед? Не родилось еще такого солнца, чтобы растопило вековые ледяные шапки на вершинах гор. Мне все безразлично. Мама полностью была права, природа магии такова, что маг разума не станет вредить себе. А вот другим – вполне!

– Отпустите мои руки, – ледяным тоном приказываю я.

Хватка на предплечьях исчезает. Мужчины стоят рядом как две куклы – больше им ничего не приказывали, хотя они готовы на все. И меня это ни капельки не пугает.

У меня нет чувств. Нет ничего, и меня тоже почти нет. Есть ледяное и рассудочное чудовище, которое здесь и сейчас просчитывает варианты действий.

У меня два выхода. Оставить в живых – или убить.

Убить – или оставить в живых? Что лучше?

Сложно принять решение, не зная предыстории, поэтому я маню Риану пальцем.

– Положи браслет на землю. И сделай два шага вперед.

Девушка повинуется так, словно я ее дергаю за ниточки. Кажется, даже пытается сопротивляться. Я смотрю на муж-

чин.

Нет, с ними все в порядке. Они словно наледью облиты, моя сила пронизала их насквозь, не оставив ничего нетронутого. Они целиком и полностью принадлежат мне. Прикажу убить – убьют. Прикажу умереть – умрут. А что с Рианой?

А тут интереснее.

Она меня так ненавидит, что алые вспышки пробиваются даже сквозь мою силу. Она явно пытается сопротивляться, только силенок не хватает.

Интересно.

Я тоже делаю шаг, кладу руки на виски Риане – и вглядываюсь в ее глаза.

Так – правильно. Я не знаю, о чем спрашивать, и она сможет умолчать о чем-то важном. Ненависти хватит. А вот если просто посмотреть... даже если я возненавижу ее в ответ – какая теперь разница? Вот уж на что мне наплевать...

Я смотрю в карие глаза – и душа Рианы послушно распаивается передо мной, до самого доньшка. До самых гадких и потаенных мыслишек.

И как же она меня ненавидит...

Я не проглядываю всю ее жизнь, хотя при желании могу сделать и это. Только последние пару дней.

Разговор с Михом.

Разговор с моей свекровью... мне становится интересно.

Мих...

Я вижу его глазами Рианы и удивляюсь – насколько мы

с ней похожи! Он такой же красивый в ее мыслях, как и в моих. Красивый, сильный, добрый... и растерянный. Риана смотрит на него, и душа девушки кричит от боли. Ей плохо, горько, в каком-то смысле мы с ней сестры по несчастью, но мне ее совсем не жалко. Во льду не бывает жалости. Только холод, безразличие и равнодушие. И – практичность. Которая еще страшнее жестокости.

– За что ты так со мной? Что я сделала не так?

Мих разводит руками.

– Ри... прости. Я просто люблю Шани.

– Что? Что в ней есть такого, чего нет у меня?

Мих смотрит смущенно, но твердо.

– Риана, тут не угадаешь. Шани... она как солнышко!

И меня захлестывает волна ненависти. Чужой ненависти, Рианиной. Но девушка отлично понимает: если она сейчас выплеснет свои чувства, Мих окажется навсегда потерян... нет, нельзя гневаться, кричать, ругаться, можно только плакать. Только горевать.

И закрывает лицо руками, искусно подглядывая из-за пальцев.

– Опозорена... Бедные мои родители!

Слезы катятся сами собой. Злые, гневные... Мих просто не знает, что женщины плачут еще и от ярости.

Мих теряется. Лицо его выражает смущение...

– Ну, что ты, Ри... не надо, ты мне как сестра...

Я не хочу быть твоей сестрой, идиот!

– Вся деревня ведь знает... Мих, не позорь меня, умоляю!

– Ри, я женюсь на Шани. Не на тебе.

Риана отнимает руки от лица. Смотрит умоляюще, она готова и на колени упасть, но Мих поспешно удерживает ее... глупенький.

– Не объявляйте пока о помолвке! Дайте мне время! Пожалуйста!

– Сколько?

– Хотя бы год!

– Для чего?

– Я найду себе парня... Мих, для девушки репутация брошенной...

Мих кивает. Дурачок...

– Ладно. У тебя есть время до приезда холопа.

– А потом?

И на лице парня появляется такая улыбка, что мне-Риане хочется стереть ее кулаком. Или вцепиться когтями.

Негодяй!!! Предатель!!!

Она молчит. И Мих молчит тоже.

Потом Риана всхлипывает.

– Я все понимаю, Мих. Спасибо тебе...

– За что?

– Что позорить не стал.

Риана подается вперед и крепко целует парня.

Моего парня!!!

Что за наглость?!

...И второй разговор. Риана и моя несостоявшаяся свекровь сидят друг напротив друга.

– Матушка, что мне делать? Мих ни о чем и слышать не хочет!

– Пара лет у нас есть...

– Нету, матушка. Он мне дал время до приезда холопа...

Милава задумывается на пару минут, а потом приходит к верным выводам. Глазки сверкают злостью.

– Ах он... щенок!

– Если они поженятся, то все. Все кончено...

Милава кивает.

– Да... это плохо. Вот если бы эта дрянь куда-нибудь делась!

– Куда ж она денется?

– Мало ли... может, ей кто-то бежать предложит?

– Кому она нужна, – зло цедит Риана.

– А вдруг? – продолжает намекать свекровка. – Я знаю, как они с Михом списывались...

И рассказывает про наше дерево, про черточки... Мих рассказал матери?

Зачем?

Дурак!

Просто дурак.

Риана слушает и запоминает. И задумывается.

Тогда-то в ее голове и складывается план. А братья помогут. Только не увозить гадкую соперницу, а просто убить

ее. Упала в реку, утонула... бывает! Никто и не заподозрит неладного! И найдут-то не сразу, речка у нас коварная, с омутами, с ямами и илистым дном.

Здесь и сейчас меня хотели убить.

Я отпускаю голову Рианы, и та оседает на землю покорной куклой. Больше она не сопротивляется. Наверное, я причинила ей боль...

Это важно?

Нет.

Важно другое – моя сила скоро иссякнет. Это я понимаю отчетливо. А потому...

Разум работает как никогда четко. Могу ли я стереть всю память у этих людей?

Да. Но оставляю их идиотами. Как чистый лист бумаги. Начнутся поиски, поднимется шум...

Начнем с Рианы.

Ты хотела меня убить?

Умри...

Я смотрю в карие глаза.

– Поднимись. Сейчас ты пойдешь к реке, разденешься и нырнешь. На дне ты найдешь корягу, ухватишься за нее и будешь читать про себя все молитвы, которые знаешь. Пока не дочитаешь – не отпускай корягу.

Риана не сопротивляется. Она сломлена окончательно.

Я смотрю на ее братьев.

На младшего.

– Убей своего брата.

Тот послушно достает нож.

Я смотрю на старшего.

– Защищайся.

И отскакиваю, чтобы не попасть между ними.

Двое мужчин сцепляются в жуткий клубок. Хрипящий, дергающийся...

И тут сила покидает меня. Я бросаюсь к кустам, и меня начинает мучительно выворачивать.

* * *

На поляну я вышла только минут через двадцать, и то – пошатываясь. Сорвала несколько листьев с куста, пожевала, чтобы горечью отбить мерзкий привкус во рту.

Меня шатало и мутило, но надо же забрать брашлет?

По счастью, серебряный ошейник лежал там же, где оставила его Риана. Я взяла его, медленно надела на руку.

И – вздохнула.

Хорошо, что у мамы была такая полезная вещь, иначе бы я уже сошла с ума. Мне... то, что получилось, мне очень не понравилось. Это была не я. Это было холодное и бессердечное чудовище, которое с легкостью принимает любые решения. Даже самые гадкие. Даже самые кровавые...

Рианы нигде не было. Я даже не сомневалась, что она уже утонула, а тело... Либо оно на дне, либо ее унесло куда-то.

А ее братья...

Старший был мертв. Младший, раненный в живот, доживал последние минуты. Я перехватила его взгляд...

Смесь ненависти, страха, отвращения...

Как хорошо, что я в блокираторе.

– Вы первые напали! – зло крикнула я. – Я бы не тронула вас!!! Я! Этого!!! НЕ ХОТЕЛА!!!

Оправдываюсь?

Да, наверное. Не перед ними, а перед собой. Мне не понравилось то чудовище, которое глядело из моих глаз?

Мне слишком понравилось это чудовище.

Голова кружилась все сильнее и сильнее... надо присесть хотя бы ненадолго. На пару минут. А потом я пойду домой.

Глава 3

Нашел меня Корс.

Мама спохватилась, что меня долго нет, попросила братика поискать, а Корс проявил смекалку.

Увидел тела на берегу, нашел меня, лежащую практически рядом...

Братик у меня умничка и молодец. Он тут же бросился за мамой, и вдвоем они кое-как, на волокуше, дотащили меня домой. Потом мама отправилась заметать следы, а Корс остался сидеть со мной.

Отец вернулся вечером, я пришла в себя только утром. Тогда и рассказала все родителям.

Скрывать что-то мне и в голову не пришло. Это же мама и папа! Самые мои родные и близкие люди! Кому еще и знать все, как не им?

Я понимала, что меня будут ругать, что поступила плохо...

И не удивилась, когда, открыв глаза, увидела над собой грустное мамино лицо.

– Шани, Шани... что же ты наделала, детка?

– Я защищалась.

Говорить было сложно, но я хотела, чтобы мама знала. Я никогда бы первая не нанесла удар.

Меня хотели убить, с меня сняли браслет. Не я, нет... У

кошки есть когти, а у меня когтей нет. Я дралась тем, что дала мне судьба.

Но я никогда не применю это против своих родных. Я люблю их!

Мама качала головой. Она все понимала, но... ее тревожило нечто другое?

Что?

– Ты не понимаешь, детка. Ты просто не понимаешь...

С другой стороны подошел отец, сел рядом с матерью, обнял ее. На кровать взобрался Корс.

Мои родные. Мой мир.

На что я пойду ради них?

Странный вопрос. На все.

Папа тоже был непривычно хмур и сосредоточен.

– Шани, ты использовала свою силу?

– Да, пап...

– Расскажи, как это было. Подробно расскажи.

Вспоминать было неприятно. Но – необходимо. И я честно вспоминала все. От слов Рианы до своих ощущений.

Отец достаточно долго сидел молча, потом вздохнул...

– Шани, повтори еще раз, как из тебя выплеснулась сила?

– Как будто кто-то заключил меня в кристалл льда. И все стало простым, понятным и... холодным.

– Холодным?

– Как будто не совсем я думала. Кто-то другой, более спокойный, жестокий...

– Это неудивительно, – вздохнула мама. – Я знаю, когда применяешь эту силу, все чувства отключаются. Остается только разум. Шани... сестра рассказывала.

– И это так – всегда?

– Ты просто не умеешь себя контролировать. Все выплеснула, вот тебе и плохо стало.

– А сейчас станет еще хуже, – пообещал отец. – Вы с Корсом через два дня уезжаете.

– Папа?!

Отец тряхнул головой.

– Да, Шани. Выбора у нас нет.

– Но почему?!

– Все-то ты продумала. Риана на дне, ее братики друг друга прирезали, только одного не просчитала. Ты выплеснула силу. Сразу нас не найдут, но спустя какое-то время... уж поверь, такой всплеск никто не пропустит.

Я замотала головой.

– Пап... но кто?

– Храм, к примеру. Хочешь всю оставшуюся жизнь молиться?

Я замотала головой. Нет, не хочу. Но...

– Или хочешь поглядеть в глаза Миху?

А вот этого я не хотела – тройне.

Глядеть в любимые глаза и знать, что я убийца...

Вины я за собой, кстати, не чувствовала. Оправдываться... да, я пыталась объяснить, что произошло, но не винила

себя. Хотя и убила. Почему?

– Потому что эти люди хотели убить тебя. Ты ударила первой – вот и все, – спокойно разъяснила мама. – Или тебе так хотелось умереть?

Мне хотелось жить. Но...

– Так просто?

– Нет, Шани. Не так и не просто. Сколько людей в такой ситуации промедлят, начнут сомневаться, пожалеют негодяев, не найдут в себе сил убить... и рано или поздно умрут. Основной закон – убей врага, пока он не убил тебя.

Я поежилась.

– Они ведь не были врагами?

– Были. И ты сама это понимаешь. Разве нет?

Я понимала.

Более того, я видела их душонки насквозь. Все их мелкие мысли, всю грязь, и не испытывала никаких угрызений совести. Но, наверное, так неправильно?

Отец покачал головой в ответ на мой вопрос.

– Что – неправильно, Шани? Что в ответ на зло мы даем подлецу возможность ударить второй раз?

– Ну...

– Ты ее не дала. Ты сберегла свою жизнь, и я хочу, чтобы ты и впредь поступала так же. Но была осторожнее.

Я вспомнила то ледяное чудовище и поежилась.

– Пап, ты хочешь, чтобы я и дальше использовала свою силу?

Отец пожал плечами:

– Не могу сказать, что буду от этого счастлив. Но волшебник уже вышел из темницы, и обратно его не загонишь. Значит, надо с этим жить, научиться пользоваться...

Пользоваться – этим? Но как?

– У меня было такое ощущение, что пользуюсь не я. Пользуются мной.

– Ты не привыкла к своей силе. Это как ярмарочный силач и воин. Там, где первый будет размахивать дубиной, второму хватит одного укола кинжалом.

– Но смогу ли я научиться?

И отец отводит глаза в сторону. Что он может мне сказать? Только правду, иного я не приму.

– Не знаю, Шани. Не знаю...

Я прикусила губу.

– Куда мне надо уехать?

– Не тебе. Вам с Корсом.

– Почему мне?

– Почему нам?!

Два негодующих вопля слились в один. Родители переглянулись.

– Потому, Шани, что дети – наше уязвимое место, – объяснил отец. – Шантажируя нас Корсом, легко заставить выдать тебя. А еще его можно похитить, убить, пытать...

Я перевела взгляд на братика.

Похитить?

Пытать? Корса?

Да разве такое вообще возможно? Это же... это надо быть даже не человеком, а полной мразью. Хуже гниды!

Отец фыркнул.

– Нет, Шани. Достаточно верить, что, мучая Корса, эти люди спасают мир от чудовища. Догадаешься, от кого?

Я медленно кивнула.

Да. От меня. И ведь они будут недалеко от истины.

– Я уверен, что ты позаботишься о брате. А мы отобьемся – и приедем к вам.

А Мих?

Сердце кольнула иголочка боли, но я не позволила ей вырасти до кинжала. Только не сейчас.

– Куда нам надо уехать? И когда?

– Послезавтра. Я знаю, где и когда будет проходить караван, я договорюсь о вас. А куда... Там вас никто искать не будет точно.

– Где же это?

– А у всех на виду, – улыбнулся отец. – На самом открытом месте.

* * *

Что полагается делать убийце?

Магу разума?

Ведьме?

Конечно, спрятаться где-нибудь в глуши и не показывать носа.

А как насчет Дилайны? Симпатичного городка неподалеку от столицы Риолон? Шумного, веселого, стоящего на торговом пути, а потому вечно кипящего то приезжими, то отъезжающими. Там-то люди друг за другом не следят, за кошельками уследить бы. Согласна, в городе должно быть проще затеряться. Но... как мы там будем жить?

– А вот за это не волнуйся, – отмахнулся отец. – И денег дам, и не просто так отправляю. Есть у меня знакомый...

* * *

Знакомый, да...

Пятнадцать лет назад, когда принц Александр Раденор громил Тиртан, бежали многие. Под горячую руку его высочество не разбирал, кто прав, кто виноват. Он просто спускал на города своих некротворений, с приказом не трогать женщин и детей. Но мужчинам-то легче от этого не было?

Допустим, мертвяки жену и детей не тронут. А от голода – оно лучше сдохнуть? Они хоть и будут и пахать, и косить, и скотину обиходить, но не справятся без мужика... А налоги?.. Да и самому умирать неохота.

Вот и бежали тиртанцы.

Бежали семьями, в Риолон, в тот же Раденор, в глубь страны, куда не дотягивался некромант. Бардак творился –

страшный.

А на чужбине страшно. Холодно, голодно...

На судне контрабандистов еще тогда, давно, Шем познакомился с Ташаном.

Молодой мужчина тоже удирал с семьей из Тиртана, правда, перспективы у него были похуже. Детей трое, жена беременная, а денег – кот наплакал. И то – кот был подозрительно довольным и долго плакать не пожелал. Месяц-два, может, и прокормятся. А там...

Что двигало Шемом и Айнарой, когда они отдали часть золота Ташану?

Сострадание?

Да, безусловно, они пожалели бедолагу. Но не только.

Это деньги не имеют примет, а украшения, которые дарят наложницам, именные, приметные, у лучших ювелиров заказанные...

Как украшения – их можно отследить. А переплавить на лом – рука не поднимается. И красиво, и подешевеет вчетверо, кабы не больше. Иная работа дороже золота стоит.

Так что Ташан получил два браслета и тяжелое витое кольцо.

Был благодарен, кланялся земно, обещал долг отдать. И отписать, как устроится.

Первое письмо отец получил от знакомого лет десять назад. Что поделать – родители путешествовали, примерялись, искали местечко поглуше, я же не могла свой дар контроли-

ровать – значит растить меня надо вдали от людей. А Ташан не колебался.

Выбрал городок побойчее и прикупил себе трактир.

Отмыл его, отчистил и принялся готовить тиртанские блюда. Порядки похожие завел, чтобы по полу в обуви не ходили, чтобы подушки вместо лавок, маленькие столики... и пошло дело!

Да как пошло!

Беженцев из Тиртана было много.

Кто-то подработает, кто-то передохнет пару дней в знакомой обстановке, а риолонцам просто интересно прийти, как в королевский зверинец. Считай, полюбоваться, как на ярмарке, на скоморохов.

Денег у Ташана хватило, и долг бы отдал, просто не знал, куда высылать. И так они друг друга на пять лет потеряли, договорились, что весточку, ежели что, оставят в одном трактирчике, в прибрежном городке, но отец туда долго выбраться не мог...

Ташан писал, что все у него хорошо, деньги готов отдать, пусть только старый друг скажет...

Старый друг отписал, что без денег пока перебьется, не нуждается, так что пусть дружище Ташан их в дело вкладывает, раз уж так хорошо получилось. Шем дает добро!

Ташан не упустил своей выгоды.

Сын у него сейчас торговал тканями и ездил по Риолону с караванами, дочерей он удачно выдал замуж, младший сын

пока помогал отцу, но скоро тоже оперится, ему караваны водить хочется, вот Ташан подумывал, чтобы пристроить его в помощники к знакомому караванщику. Покамест за конями в караванах ухаживать, а там – кто знает? Пусть мальчишка к ремеслу приглядится, знакомства заведет, тропки разведает...

Вот к Ташану-то отец и собирался отправить нас с Корсом.

– А вы?

– А мы отправимся в другую сторону, – просто ответил отец. – Будем отводить опасность и от вас, и от себя. Здесь оставаться нельзя.

Я вздохнула.

В теле ощущалась противная слабость. Гадкая такая, гнусная...

– Это все я виновата...

– Нет, Шани. – Отец махнул рукой, отменяя мои угрызения совести. – Это не ты. Это мы с мамой виноваты перед тобой. Легко было надеть на тебя блокиратор, легко не говорить о твоих способностях, просто жить, быть счастливыми... Учить, возиться, опасаться выплеска силы было бы намного сложнее.

– Я же была ребенком.

– Через пару лет, – мама осторожно подбирала слова, – ты стала бы иной. У магов так, у них короткое детство, долгая юность и длинная зрелость.

– А старость?

– Старых магов не бывает. Сила позволяет отодвинуть старость – до смерти. И маг даже в двести лет будет выглядеть вчетверо моложе.

Я заинтересовалась. Рано, конечно, об этом думать, но приятно ж!

– Я бы повзрослела? Или поумнела?

– Ты бы лучше себя контролировала. Когда девушка роняет кровь, у тебя это произошло около года назад, помнишь?

Я помнила.

Знаю, некоторым женщинам бывает больно, а я даже не поняла, в чем дело. Просто из меня кровь потекла... так странно!

– И что?

– Магия созревает вместе с телом человека. Это как с танцами, которым я тебя учила, понимаешь?

Я понимала. Да, это как танцы. Маленький ребенок их не повторит, разве что упражнения делать сможет, а сами танцы потом, когда тело начинает созревать, когда лучше контролируешь себя – и получается лучше.

– Моя магия окончательно созрела бы годам к семнадцати?

– У мамы, твоей бабушки, так было. Но ты намного сильнее, поэтому мы с отцом точно не знали. Просто подстраховались. Мы бы поговорили с тобой – позднее, объяснили все, и постепенно ты бы смогла взять свою силу под контроль. Не

получилось.

И я даже знала – почему. Угораздило меня влюбиться не ко времени!

Мих...

– А как мне быть с Михом?

– Уедешь не попрощавшись, – коротко отрезал отец. – Я с ним сам поговорю, по-мужски.

– Папа!

– Ничего страшного, Шани.

Кому – как!

– Шани, детка... – Мама взяла меня за руку, вынуждая поглядеть ей в глаза. – Скажи мне, Мих сможет принять твой дар?

Нет. Не сможет.

– Уехать с тобой? Скитаться по чужим краям? Беречь тебя, как меня – Шем?

И вновь тот же ответ. Не сможет. Это – не его.

Мих создан для этого мира. Для этого леса, этой деревни, этих полей и лугов. Вытащи его в город – и он растеряется. Он... он как камень. С удовольствием проживет здесь свою жизнь, женится... как женился бы на Риане Респен, не попадись ему навстречу я.

И все же...

Осталась бы я с ним – здесь?

Да.

Была бы счастлива?

Да. Если бы не мой дар. А...

– Пап, мам, а можно избавиться от этого дара?

Родители переглядываются.

– Можно перегореть. – Мама не врала никогда и сейчас врать не станет. – Если слишком сильно выплеснуть дар... я точно не знаю. Вроде бы можно. Только тебя это не спасет.

– Почему?

– А дети?

Я прикусила язык. Действительно, дар уже есть, он никуда не денется, а дети, мои дети, так же могут нести его. И чтобы защитить их – и себя, лучше уж обладать даром, а не выжигать его. Что-то подсказывает мне, что желающие использовать меня всегда найдутся. А не меня, так детей...

И так плохо, и этак...

– Интересно, а для меня вообще возможно счастье?

Кажется, ответ я уже знаю...

Мама улыбается.

– Счастье, Шани, возможно для всех. Рано или поздно, так или иначе...

Почему-то сейчас меня эти слова не утешают. Но мама ведь счастлива? И бабушка тоже была...

Что ж, буду собираться. Завтра, с утра. А сейчас – поспать бы...

Деревня Большие Щепки

Когда к старосте в дверь заколотили, Брох Лемерт как раз подносил ко рту кружку с элем.

Рука дернулась, эль полился на штаны.

– Темный в лес!

Сам староста, конечно, дверь открывать не побежал, не по чину. Младший сынок открыл и увидел на пороге мельника – Дерка Респена.

Встрепанного, запыхавшегося, измученного – и с совершенно отчаянными глазами. Мужчина буквально вломился в дом, едва не снеся по дороге Милаву, и почти упал на лавку рядом с Брохом.

– Брох! Выручай!!!

Тут уж и староста понял, что дело нешуточное. И впихнул в руки мельника кружку с элем.

– Пей! А то хрипишь, что умирающий!

– Детки мои! Детки пропали.

У Милавы, которая как раз хотела обновить кувшин с элем, руки разжались. Хорошо, в них пустой кувшин был, но черепки собирать все одно пришлось!

Дерк в один глоток осушил кружку и принялся рассказывать старосте о своей беде.

Это – деревня. Бездельников здесь не водится, равно как и лентяев. И та же Риана с утра до вечера крутилась по дому,

то помогая матери с младшими, то со скотиной...

А старшие сыновья помогали на мельнице.

Все было как всегда... вот только утром ни Рианы, ни сыновей – двух старших, Шерка и Борка – в доме не оказалось.

Нигде их не было.

Сначала Дерк даже не встревожился. Бывало и такое, мальчишки были дружны и по бабам порой вдвоем ходили. Приглядели кого, да и пригрелись под боком. Мельник точно знал – случалось такое.

Риана?

Сестрицу они любили, да и Риана старших братьев выделяла, таскалась за ними хвостом, а то и сбегать предупредить могла, если что. Бывало. Дело житейское, дело обыденное.

Дерк прождал детей до девяти утра – и встревожился уже всерьез. Побежал по деревне, расспрашивать, что и как, но никто не видел его детей. Послал еще одного сына в соседнюю деревеньку, хоть и далеко, поехал по лесным хуторам...

Никто ничего не знал.

К Броху он приехал уже напоследок. Поднимать народ.

Староста задумался.

Только вот не был бы он старостой, если б в своем доме беду не заметил. Милава, которую обычно было из-за стола не выгнать, в этот раз держалась подальше. Гремела чем-то у печи...

– Жена, поди-ка к нам? – ласково окликнул старостиху Брох.

Милава не торопилась. Пришлось еще раз позвать, и только тогда дородная женщина явилась пред светлые мужские очи. Стояла, а руки-то передник теребили... кому как, а Брех сразу понял, что совесть у жены нечиста.

– Что знаешь, мать? Выкладывай давай...

Не только Брех хорошо знал свою жену. Милава тоже понимала, когда лучше не вилять, а то ведь приложит так приложит...

– Не знаю я...

– Но?

– Риша ко мне подходила недавно, – честно призналась женщина. – Они ведь с Михом с детства вместе, и для нее ударом было...

– Короче! – рыкнул Брех, уже догадываясь.

– Ну, сказала я ей про эту стерву! И что? Должна была девочка узнать, что и как, должна!

Объяснять, о какой стерве речь идет, не понадобилось. Мужчины примерно догадывались.

Брех переглянулся с Дерком.

– Ты своих детей лучше знаешь. Могли они... помочь сестре? Разобраться с проблемой?

Дерк схватился за бороду, пропустил ее через кулак, словно оторвать хотел с куском челюсти.

– Ох... могли.

– Тогда... к Шему надо идти.

Мужчины переглянулись. Дело было вечером... до доми-

ка лесника идти даже днем – часа три, а уж ночью – вдвое. Стемнеет скоро...

– Я сам съезжу, – решил Дерк.

Брох вздохнул.

– Сейчас Миху скажу. Втроем поедем.

Все ж мельник в деревне – человек не последний. Не стоит с ним ссориться, а то, может, и породнятся еще? Лесник-то человек неглупый... много воды за два года утекло бы.

И почему это соплячье никогда взрослых не слушает?

Или...

Мих отправился седлать коней, телегу решили не брать, Дерк пошел помогать ему, а Брох таки поймал жену за косу.

– Точно? Учти, что узнаю – месяц не встанешь, стерва!

Милава прищурилась:

– Я что сказала, то и сказала. А взгляды... да, плохой взгляд был у Ришки, так что ж удивляться? Переживает девчонка.

Брох кивнул.

Да... худшие его опасения подтверждались.

Лес, лесник, трое сопляков, которые на его дочь руку подняли... тут можно и концов не найти. Знал староста про разбойников, которых Шем положил в рядок, да и браконьерам от него доставалось. Опасный он человек. А искать все равно придется.

Что еще хуже: лесник – это не просто так себе мужик с хутора. Это – человек барона.

Личный. Облеченный доверием. И поднять на него руку – это барону прямое оскорбление. За такое и вся деревня пострадать может. Если Рианка с братьями и правда чего натворила...

Закон прост.

Поднял ты руку – ну так и получи. Женихов уводить не запрещено, отродясь девки таким баловались. И за косы друг друга драть – тоже. Побегу Рианка одна с лесничьей дочкой ругаться, ей бы с рук сошло. Но если она братьев попросила...

Тут лесник в своем праве. Мог головы всем троим открутить, и никто слова не скажет.

А Дерк за детей рогом упрется. Опять деревне убыток... вот как поступить?

Что ж это соплячье взрослых-то никогда не слушает?

Староста мечтательно поглядел на хворостину. Может, еще не поздно воспитывать-то? Родных чадушек? Авось, чего и дойдет?

* * *

Я спала.

Вопреки всем рассказам, у меня все было в порядке. Кошмары не снились, мертвецы во сне не приходили. Куда им, бедолажным?

Мама потрясла меня за плечо.

– Шани, проснись.

Утро? Уже?

Я перевела взгляд за окно.

Темнота... ночь. Что случилось?

– Староста приехал. С сыном и мельником. Респеном.

Я вздрогнула.

– И? Мам?

– Мы с ними поговорим. А ты... – Мама потупила глаза, а потом как в омут бросилась. – Поговори с Михом. Можешь сказать ему, что мы тебя ненадолго в город отсылаем. Но к семнадцати вернешься. Или еще как... сама подумай.

Я посмотрела маме прямо в глаза.

– Спасибо.

Мы обе понимали – не вернусь. Но вот дала нам с Михом судьба последнюю встречу, и это уже счастье. Я не выброшу его в колодец.

Хоть раз, хоть одна встреча, но пусть у нас будет! Хоть попрощаться, погреться у его тепла. Я знаю, это нехорошо, но я потом уйду. Отпущу Миха в другую жизнь, и он будет спокоен и счастлив, а у меня... пусть у меня хоть воспоминания останутся!

Мама взъерошила мне волосы.

– Про Риану и ее братьев ты ничего не знаешь. Не были, не приходили. Поняла?

Я кивнула.

Все я поняла. Спасибо, мама...

И принялась спешно одеваться.

– А Корс?

– Спит.

* * *

Кажется, я себя немного переоценила. Ноги пока еще подкашивались. Слабость такая, дурная, словно после болезни. Тошнотная, гадкая...

Но к Миху я слетала птицей. И повисла на шее.

Последний раз.

Впитать в себя тепло, уют, последний раз поглядеть в его глаза, ощутить золотистое сияние его любви...

Эгоистично?

И пусть! Я ведь тоже его люблю.

Ночные гости посмотрели неласково, но я уже вылетела во двор.

– Мих!

– Шани!

И это золотистое сияние ласкового солнышка... Шелковистое, ласковое, пронизывающее весь мир, и меня в том числе. Не такое, как моя сила. Не холодное, словно лед, а теплое, уютное, нежное...

Несколько минут мы просто молчали. Потом я заговорила первой.

– Мих... отец меня к тетке отсылает.

– Что?!

Для парня это стало ударом. Я видела.

Золото прoderнулось красными нитями боли. Помутнело, дрогнуло стеклом...

– Сказал – на зиму.

– Но ты же вернешься?

– Я тебя тоже люблю.

Соврать впрямую я так и не смогла, но Мих понял мои слова по-своему. И привлек меня к себе.

– Шани... жить без тебя не смогу.

Сможешь, родной мой. И я смогу. У нас просто нет выбора.

– Мы еще будем счастливы. Я знаю...

Я не лгала.

У Муха есть шанс стать счастливым – без меня. А у меня... даже если его нет – это не значит, что я сдамся.

– Отец говорит, что если я тут останусь, мы что-то да устроим.

Мих потупился. Ну... разве нет? Я уже натворила, только не совсем то, о чем думал парень. Он-то мечтал о сеновале, а у меня получилось совсем иное.

Ледяная вода, которая утянула Риану, горячая кровь, которая пролилась на землю...

Да, я виновата. Но не я начала это первой.

– Шани... Никуда тебя не хочу отпускать.

И прозвучало это как приговор. Может, и не хочет. Но

отпустит, и послушается старших, и... Мих, ах, такой Мих...

Добрый, послушный, ласковый...

Я коснулась его щеки ладонью, взглядываясь в серьезные глаза.

В последний раз.

И вдруг ожгло, словно хворостиной. Зло так и плеснуло по округе, надрывное, черное, с красными прожилками боли...

– Ради этой дряни ты мою дочку оттолкнул?

Тут и догадываться не пришлось. Мельник. Респен.

Я медленно обернулась. Он стоял на крыльце, смотрел на нас и аж весь плескал по округе злостью и болью. Так и хотелось закрыться, отшатнуться...

Не дождешься!

За его спиной виднелись фигуры родителей. И они ждали...

Я точно знала, это был первый урок. Сумею я сейчас сдержаться? Справлюсь? Разрешу ситуацию если и не миром, то хоть без применения силы?

Значит, меня можно считать взрослой.

Я вскинула голову:

– Я вам не дрянь! А сердцу не прикажешь! Не все на деньги меряется! Ничего, вы еще кого другого своей дочке купите!

Мельник аж зашелся в черноте.

– Ты, б...

– Я девушка еще! Любая повитуха скажет. А про вашу

дочь такое сказать можно?

И...

Я не просто попала в цель. Я задела всех присутствующих.

Побледнел, вздрогнул Мих. Осекся на полуслове мельник.

Кхекнул староста.

И потянуло от любимого чем-то таким... вина? Да, желтоватая, мутноватая, как желток от тухлого яйца. Он и Риана...

Не просто так взъелась девчонка. Они же с детства сговорены, вот и не дотерпели чуток. И все знали, и одобряли, если бы Мих со мной не встретился, может, к зиме и надел бы он Риане браслет.

Что тут скажешь?

Что сделаешь?

Я не знала. И потому доверилась интуиции, которая приказала мне коснуться пальцами руки Муха.

– Все хорошо. Я все понимаю... и не виню тебя.

И вышло так искренне.

Староста Лемерт вновь кхекнул. А мельник шагнул вперед.

– Что, простишь мужика? Да, было у них, так что если Ринка в подоле принесет...

На миг окатило волной ужаса.

Я убила... четверых? И нерожденного ребенка – тоже?

Но потом схлынуло. Нет, не была Риана в тягости, она бы совсем иначе виделась, это точно. Откуда я это знаю?

Не понять. Но я убила троих, не четверых. Хотя меня это

и не оправдывает.

– Сучка не захочет, кобель не вскочит, – поговоркой отозвалась я. – Ваша девка, ваш приплод.

– Ребенка без отца оставишь?

– Не я вашу дочь под мужика толкала. Не мне и отвечать.

Уже и никому другому. И – наплевать!

Здесь и сейчас я ни о чем не жалела. Уезжаю?

И отлично! Неприятно было и от ситуации, и от Миха, который откровенно прятался за меня, не желая нести ответственность... он любил меня, да! Но кто сказал, что он так же не любил Риану? Когда заваливался с ней на сеновал?

Мельник смотрел злыми, ненавидящими глазами, но сказать ничего не сказал. Рядом вырос тенью мой отец.

– Я вашу дочь сегодня не видел. И давно не видел. Шани... думаете, если б они столкнулись, моя дочь цела бы осталась?

От мельника потянуло чем-то... злорадство?

– Нет. Ринка б вашей дочери косы выдрала.

– Сами видите, косы целы, Шани тоже цела, никаких следов на ней нет. Так что ищите дальше.

– Шем... – начал староста. Осекся, вздохнул...

Отец все понял без слов.

– Староста, я обещаю. С утра тоже поиски начну. А дочь отправлю к тетке. От греха.

Теперь и от мельника потянуло удовлетворенным злорадством. И то... Будь Риана жива, он бы мигом ее под Миха подложил. А если дите появится, тут жениться придется, хо-

чешь, не хочешь...

Это деревня. Здесь порядки свои.

И блудливой девке ворота дегтем вымажут, и блудливому мужику вилы в зад засунут. Всякое бывает.

Незванные гости ушли, и мы остались одни.

Я, папа, мама...

Отец обнял нас обеих и потянул за собой в дом.

– Пойдемте, девочки. Посидим... тут уж немного до расвета осталось.

Мы сидели за столом, пили травяной взвар с мятой и медом, грызли маленькие сухарики с солью, и папа рассказывал о чем-то смешном.

И плясал в очаге огонь, и сопел наверху братишка, и тепло наших сердец согревало всю комнату, заливая ее лучами любви.

Я спрашивала, буду ли я счастлива?

Глупая... вот оно – счастье.

* * *

Тревога поднялась рано утром.

Мих не сообразил, где искать Риану, но... все наши ручьи и речушки идут к большой реке, к Соларе. И, видимо, или камень сдвинулся, или течение оказалось сильнее, или...

Риану вынесло в Солару.

Тело неудачно застряло, и его нашли с утра рыбаки.

В деревне поднялся шум и гам. Рыдали родители Рианы, переживали и сочувствовали кумушки. Но оставались еще и братья.

И тут пришел отец. И привез их на телеге.

Не зря, ох, не зря он оставил тела на ночь на той поляне. У нас не слишком мирные леса. Есть волки, лисы, есть даже медведи... последних трупы не дождалось, а вот волки и лисы их изрядно порвали за ночь. Опознать еще можно было, но понять, кто и кого убил – уже нет.

Староста принялся расспрашивать отца, но что мог сказать лесник?

Решил пройтись вдоль речушки, там и нашел. Обоих.

Вроде как дрались. А может, и нет.

Трава была вытоптана, но поди разбери там сейчас... где нашел? Да, конечно, может показать. И проводить может, и проводит... бедные родители. Врагу такого не пожелаешь.

Сочувствие было не слишком искренним, но сошло и так.

Деревня бурлила и кипела.

Мы с Корсом собирались.

Мама сама контролировала и проверяла нас, не давая взять ничего лишнего. Недрогнувшей рукой вытряхнула из мешка Корса кучку всяких полезных вещей вроде палки с резьбой, занятного камушка, корня, изогнутого в виде медведя...

Собрала наши летние и зимние вещи, проверила все еще раз, тщательно уложила обувь...

Загнала меня в мыльню, и мы обе тщательно выкрасили волосы в черный цвет. Получился, скорее, темно-каштановый, но и так было неплохо, всё неприметная рыжина.

– Ты у меня и так слишком красивая, – вздохнула мама. – Веснушек бы тебе, да не получится...

Темный цвет мне не слишком шел. Кожа бледная, вот и выглядит не очень. Но у мамы и на это была настойка зеленых плодов ореха-головняка³. Так что стали мы смуглыми. И пузырек отправился мне в сумку. Теперь надо раз в несколько дней выбирать время и протирать лицо, руки, шею... хорошая штука. И водой не смывается слишком легко.

Я видела, как маме плохо от осознания разлуки. Но она уверенно работала, не поддаваясь унынию, которое окрашивало ее в болотные тона.

Надо.

И этим все сказано.

* * *

На рассвете следующего дня мы вышли из дома.

Отец и мать отдельно – мы с Корсом отдельно. Все еще семья, но уже не вместе, уже порознь...

Отец навьючил мешки на двух осликов, которые смиренно стояли в конюшне и жевали овес. Осликам тоже придется

³ Грецкий орех. Не может называться так по причине отсутствия в этом мире Греции. (Прим. авт.)

расстаться – чуть позднее.

Никто из нас не произнес ни слова.

Мы медленно пошли через лес. Солнце вставало из-за горизонта, окрашивая небо в розоватые тона, протягивая первые лучики через ветви деревьев, золотя паутину и превращая росу в бриллианты. Еще не скоро оно войдет в зенит.

Птицы пели, звонко и чисто, подхватывая и продолжая песни, перекликаясь на разные голоса. Корс прыгал рядом с отцом, я разговаривала с мамой.

– Мы постараемся дать о себе знать сразу же, как только будет возможно. До тех пор слушайся Ташана, он человек неплохой...

– Да, мам...

– С парнями лучше не крути. Сама понимаешь – сила у тебя такой природы. Их к тебе может тянуть, даже неосознанно, не будешь поощрять – все пройдет. А начнешь подолом крутить – рано или поздно возникнет... ситуация.

Я опять кивнула.

– А если что-то случится? Мало ли?

– В твоем случае – никаких «если» быть не может. Себя погубишь и брата.

Да, брата. Я отвечаю за Корса. И пока я жива, никто не посмеет причинить ему вред.

Мама потрепала мои волосы, заплетенные в тугие косы.

– Не грусти, Шани. Все будет хорошо. Мы обязательно найдем безопасное место и опять будем жить семьей.

– А потом нам придется опять бежать?

– Снова. Может, ты еще и замуж выйдешь к нашему приезде.

– Угу... то не смотри на парней, то замуж выйдешь...

– А ты так... не глядя.

Мама подшучивала вполне беззлобно, и я улыбалась в ответ. Ах, как же хорошо идти вот так по лесу и ни о чем не думать. Жаль, это ненадолго.

На дорогу мы вышли ближе к вечеру. Шли весь день, почти не останавливаясь, Корс под конец вообще ехал верхом на папе, у меня ныли ноги, но надо – так надо.

И мы были с избытком вознаграждены, когда перед нами открылся большой тракт. Отец удобнее устроился на камушке, достал флягу, сделал пару глотков, передал ее маме.

Я поступила так же и отдала воду братишке.

– Ну, теперь ждем караван.

* * *

Ждать пришлось не слишком долго, каких-то час-полтора, когда они показались на дороге. Впереди – ведущий каравана, пешком, как и полагается, потом фургоны, телеги, люди, вьючные животные...

Отец вышел на середину дороги и подошел к ведущему, не останавливая караван. Мы спешно нагрузили все на своего ослика.

Мама крепко прижимала к себе одной рукой меня, второй Корса. И я видела – ей больно. Она подчиняется необходимости, но как же ей сейчас больно и тошно...

– Мое имя Руш Каран. – Отец не собирался говорить правду. – У меня брат в Дилайне, детей вот к нему отправляю. В деревне красная сыпь, не хочу, чтобы заболели.

– Мое имя Ленер Райлен. – Ведущий каравана улыбнулся. Был он немолод, уж лет пятидесяти, седина посеребрила его голову, но карие глаза смотрели по-прежнему внимательно. И эмоции, которые он испытывал, были далеки от старческого равнодушия.

Любопытство, дружелюбие, уверенность в себе... неплохой человек.

– Детей моих возьмешь?

– Если здоровы.

– Это не сомневайся, – махнул рукой отец. – Двое ребят, один ослик... дочка – Шанна и сын Корт.

Сильно наши имена отец не менял.

Ленер прищурился на нас.

– Шанна Каран и Корт Каран. Ага, вижу... ты, Руш, человек рискованный.

– Да я так...

– Таковую красоту без охраны отправлять.

– Шанна сама кому хочешь руки отшибет, – отмахнулся отец. – Вот за это не волнуйся, подолом у меня дочь не крутит. Если ты еще приглядишь, вообще хорошо будет.

– Пригляжу. Что у вас за деревня?

– Колючка.

Эта деревня была дальше от нас, но ближе к тракту. Иногда мы и туда ездили... правда, сейчас прошли мимо, по лесу, даже не приближаясь, чтобы ненароком не заметили.

Ведущий кивнул.

– Это вам пришлось достаточно далеко пройти?

– Знаю, есть места поближе, но мы жили в лесу, – объяснил отец. – Когда началось, я своих схватил в охапку – и в лес, в землянку. Я охотник... так что есть чем заплатить. Шкурками возьмешь – или деньгами лучше?

Ленер задумался.

– Если шкурки есть, я бы поглядел.

Отец кивнул на ближайшую телегу. Все это время мы шли рядом с караваном, никто не собирался останавливаться ради нас. Ленер сделал несколько шагов, отец вытряхнул на свет содержимое мешка... однако!

Выдра. Куница. Белка. И завернуто все это в роскошную волчью шкуру, зимнюю, уютную. Отец сам добывал зверя, сам меха выдeldывал...

Райлен оценил.

– До Дилайны по-любому хватит. Тебе с питанием детей – или свое есть?

– Свое есть, но лучше с питанием. С телегой... сам видишь, у меня мальчишка мал еще...

Корс надулся, но ноги-то и впрямь гудели.

Волка Ленер отложил сразу, теперь еще добавил к нему с десяток шкурок.

Отец покачал головой:

– Бери всё.

– Тут больше, чем нужно, – честно сказал ведущий.

– Я не просто так, я за пригляд. Чтоб в дороге ничего не случилось, а в Дилайне ты их проводил до дома. Сможешь?

– Либо я, либо помощник... проводим, – согласился Ленер. – По рукам?

Отец протянул ему мешок из-под шкурок.

– Как раз все поместятся. По рукам!

Ленер кивнул на одного из своих помощников, высокого черноволосого мужчину лет тридцати.

– Орас. Орас, ты будешь отвечать за малявок, понял? Если кто руки к девчонке протянет, ноги вырву. И за мальчишкой пригляди...

– Хорошо. – Голос у Ораса оказался неожиданно низкий и грубый. – Давайте, малышня, прощайтесь – и на телегу, я вам сейчас местечко найду!

Мама всхлипнула. И крепко-крепко прижала нас к себе.

– Маленькие мои... как же я вас люблю!

Притих даже Корс, который не терпел объятий. Я обняла маму в ответ.

– Мам, все будет хорошо. Мы дождемся, когда вы напишете или пришлете за нами...

Мама поцеловала Корса.

– Береги сестру, малыш. Ты теперь старший мужчина в семье.

Корс приосанился и кивнул. Отец подхватил его на руки и что-то зашептал, а мама притянула меня к себе.

– Ты справишься, Шани, я знаю. Я в тебя верю... береги и себя, и брата. Мы вас обязательно найдем, что бы ни случилось!

– Или мы – вас.

– Вот этого не надо. Никогда нас не ищите... Если мы сами не придем, значит, что-то не так. Вам лезть не надо, себя погубите и нас не спасете!

– Мам?

– Береги себя, малышка. И брата береги. Я вас люблю.

Мама толкнула меня к отцу, который как раз усадил Корса на телегу. Я ткнулась носом в надежное папино плечо, замерла, впитывая всей сутью исходящее от него ощущение безопасности. Надежное, светло-коричневое, как благородное полированное дерево...

– Папа...

– Ты у меня умничка, Шани. Ты справишься.

– Д-да... – Я все же не удержалась, всхлипнула.

Отец погладил меня по волосам.

– Это дорога, малышка. А любая дорога рано или поздно приводит к родному дому.

– Разве?

– А иначе не стоит по ней и идти. Помни это...

– Да, пап...

– Береги мелкого. И себя береги.

Я хлюпнула носом – и заняла свое место в телеге. Орас сноровисто привязывал к ее задку нашего ослика. Корс прижался ко мне покрепче, забился под мышку... я притянула его к себе.

Мы смотрели на родителей, пока караван не ушел слишком далеко. Но и тогда сил повернуться и поглядеть вперед не нашлось.

Орас ехал рядом, но молчал. И это было неплохо.

Зла я от него не чувствовала, ровные синеватые тона. Мы для него всего лишь работа, он к нам ничего не испытывает. Но человек надежный, ответственный... это неплохо.

Караван медленно двигался по направлению к Дилайне. И идти нам туда было еще почти двадцать дней.

* * *

Когда караван скрылся за поворотом, Айнара поглядела на мужа. Шем потер левый глаз.

– Напылили тут...

Женщина сделала вид, что поверила. У нее и самой глаза были на мокром месте. Но выбора не было. Они слишком хорошо знали, чем грозит необдуманый поступок Шани. И готовы были на все, чтобы отвести беду от детей.

– Пойдем, что ли?

Шем приобнял жену за плечи, второй рукой цапнул за повод ослика, и двое направились в лес. Айнара прижалась крепче к мужу.

– Как в молодости. Когда мы путешествовали по лесу...

– Сегодня мы ее точно вспомним! – Шем храбро шутил, хотя на душе кошки скребли. И даже нагадили, судя по ощущениям. – Ты, я, костер, медвежья шкура... а ослу я завяжу глаза, чтобы не подсматривал.

Айнара улыбнулась.

Вот в такие минуты она и понимала, за что полюбила своего мужа. За эту несгибаемую решимость. Им может быть как угодно плохо, но между ней и миром всегда встанет Шем. Оберегать, защищать, поддерживать, как это и должно настоящему мужчине.

– Ему надо просто найти пару. Купим по дороге?

– Вот еще я ослам личную жизнь не устраивал! – возмутился Шем.

Так, разговаривая и перешучиваясь, Ланаты и ушли в лес. И если бы они видели, что творится сейчас в деревне, они бы еще раз порадовались своей предусмотрительности. А тем временем в Больших Щепках...

Глава 4

Большие Щепки, Риолон

В этот раз в дверь к старосте не колотили. Сам вылетел, не дожидаясь повелительного оклика. И было с чего...

Отродясь он столько холопов не видывал!

Одного, двоих – да. Когда имя нарекать приходилось да молодых связывать. И только-то...

А тут...

Целый отряд, все верхами, и выглядят так...

Если б не рысы, не символ Храма – точно подумал бы, что какие-то благородные в Щепки нагрянули. Но его сомнения быстро развеял мужчина в белой хламиде, спрыгнувший с коня.

Брох почтительно поклонился.

– Благословите, светлый.

– Да пребудет над тобой рука Его, чадо... Мое имя Лоран Ариост, я Приближенный милостью Его.

Брох поклонился.

О Приближенных он слышал. И вот уж не думал увидеть... они ж по городским храмам, Приближенный в деревне – это как барон на ярмарке. Вроде бы и может он там по-

казаться, только неясно – зачем? Поразвлекся? Или... случилось чего?

Но приближенный его томить не стал.

– Скажи мне, чадо, не произошло ли в последние несколько дней у вас в...

– Щепках, господин приближенный.

– У вас в Щепках нечто странное?

Брох активно зачесал голову. Мысли зашевелились, словно испугнутые тараканы.

– Сложно сказать, светлый. Вроде все, как всегда, разве что у мельника дочь утонула, а сыновей дикие звери порвали.

Приближенный насторожился.

– Утонула? Порвали? Ну-ка, расскажи мне подробнее, как это случилось?

– Как случилось? А шут его знает... девку в реке выловили. Думаю, от несчастной любви она туда и сиганула, – честно признался Брох.

– Какой любви?

Вот уж о чем старосте рассказывать не хотелось, да из песни слова не выкинешь.

– У моего сына с ней сговор был, да переметнулся Мих к лесниковой дочке. Вот, видимо, с горя Ринка в воду и кинулась.

– Хм-м... и часто у вас такое бывает?

– Да уж лет тридцать не было, почитай. С тех пор как плот-

никова дочь повесилась...

Приближенный задумался.

– А можно на сына твоего поглядеть, чадо?

– Да что ж на него и не поглядеть? Свинарник он убирает, сейчас жена позовет.

Второй раз за несколько дней Милава лишилась кувшина. На этот раз с вином. Несла угостить приехавших, да выронила. И метнулась звать сына, только юбки мелькнули.

Если б Брех сам за сыном сходил, он бы Миху сказал хоть сапоги сменить. А то сопляк так и явился, со всеми ароматами хлева.

Болван!

Приближенный поморщился, но заговорил ласково. И это чуть успокоило Бреха. Хотел бы...

Хотели бы храмовники, они бы всю деревню прошли, огнем и мечом. И барон бы им даже слова не сказал. Не та ценность Большие Щепки, чтобы из-за них с Храмом схватиться. Это в Раденоре, говорят, где правит Черный Король, процветают еретики и поклоняются Темному, там храмовников, говорят, даже и убить могут. И поднимается ж рука у святотатцев! А в Риолоне Храм – это сила!

Приближенный тем временем ласково расспрашивал мальчишку, как тот познакомился с дочкой лесника... Ах, Айшет Ланат?

Не риолонцы они? Беженцы из Тиртана?

А храм посещали? Ах, нет храма... ну, к холопу-то ходи-

ли?

Это хорошо, что ходили. Все обряды отправляли? Сыну имя нарекали? Это правильно. А давно у Миха такая любовь?

Как познакомился?

Сколько времени встречаются?

Мих отвечал честно, но староста, с высоты прожитых лет, не мог отделаться от странного ощущения. Словно приближенный ищет какой-то подвох, не находит его и злится. Но какой?

Что может быть не так?

Брох этого не понимал. И боялся, как всего непонятного.

Как и одного из спутников приближенного, который обошел вокруг Миха с какой-то штуковиной, богато украшенной драгоценными камнями, а потом покачал головой.

Приближенный помрачнел.

– А где эти... дочь мельника? И остальные покойники?

– Так уж закопали, – честно признался Брох.

– На кладбище?

– Да, светлый.

– Проводите нас туда.

* * *

На кладбище было неожиданнолюдно. Мальчишек не устережешь, они и услышат, и примчатся, и кому надо рас-

скажут, так что Респен там был в первых рядах.

Приближенный посмотрел на него, покачал головой и принялся расспрашивать.

То же самое.

Давно ли его дочь бросили, как дело было...

И тоже обходил вокруг Респена с какой-то блестяшкой, и ничего не находил...

Староста Лемерт просто не знал, что следы ментального воздействия остаются на людях долгое, достаточно долгое время.

Айшет выплеснула силу. Ее заметили. Более-менее локализовали место и принялись искать. Там, где есть люди. Там, где есть на кого воздействовать. Сила ментального мага вырывается на волю не просто так. У огневиков получается вулкан, у воздушников – ураган, а у ментальных магов – воздействие на людей.

Именно воздействие.

Когда Айшет читала чувства или принимала мысли, это было не так важно, это было естественно, и сил почти не тратилось, вы же не думаете, как именно дышите? А вот когда сила вырвалась...

На что она пошла?

Может, приказали дочке мельника утопиться?

Но тут было гиблое дело. Вода... она все следы смывает, ищи, не ищи, не поймешь. Следов насилия не было? Значит, не били. Но приказать утопиться...

А то у нас мало идиотов, которые от несчастной любви и в петлю, и в колодец... лучше б в бордель пошли. Месяц «разделенной любви» мигом излечит от всех душевных мук.

Нет, с мельничьей дочкой не угадаешь, может, приказали, а может, и сама.

Ее братья?

Но и тут холопы помрачнели.

Если б сразу...

Посмертно можно поглядеть, было ли воздействие, но опять – недолго. До похорон.

Земля в этом плане ничуть не хуже воды. Работает медленней, но если мертвец хоть сутки в ней провел... да и звери их погрызли. Там от тел-то не так много... нет, не подойдет.

А больше в деревне ни на кого воздействия и не оказывалось. Все чисты.

Сын старосты? Тоже чист. Если там любовь и была, то не заколдованная, а настоящая, это никому не запрещено, хоть магу разума, хоть магу смерти.

Чист и староста, и мельник, и кого ни проверь... да что за маг разума такой? Который ни на кого не воздействует?

Оставалась последняя ниточка.

Лесник.

И приближенный распорядился проводить их к домику лесника. Староста помрачнел и кивнул Миху привести лошадей. Сам, лично, господ сопроводит.

Ладно. С сыном.

Все равно увяжется к своей зазнобе, пусть уж на глазах будет, плесом его вперехлест на сеновале.

* * *

Дом лесника встретил гостей распахнутой дверью.

И остывшим очагом.

И следами поспешных сборов.

Брох почесал затылок. Мих метался, пытаясь понять, куда все делись, а староста прислушивался. Храмовники переговаривались, и его настораживали обрывки фраз.

– ...не преступление...

– ...может, видели чего?

– ...не пришли...

– ...боялись...

Брох дураком отродясь не был. И получалось так, что Ринку с братьями либо кто-то... убил?!

И убил-то магией, иначе никак. Сыновей мельника Брох знал, мальчишки не дураки были и ножами помахать, и кулаками... нет, двое на одного – с ними бы даже лесник не справился. Уж бесследно бы точно не прошло.

Магия?

А это вообще смешно. Видел он и лесника, и жену его... не маги они! Клясться Брох не стал бы, но разве ж маги так жить будут? И девка их...

Какой она, к Темному, маг? На Муха точно не воздейство-

вала, иначе бы нашли чего, и в тот вечер, когда Респен детей искал, тоже выглядела вполне обыкновенно. Лесник, конечно, нервничал, ну так и Брех жизни не сильно радовался бы, коли к нему за полночь гости вломятся.

Так что ж получается?

Лесник с семьей сбежал.

А сбежал он после того, как староста попросил его поискать Респенов... ох, неладно.

Может, Шем и нашел чего? Не трупы – тела-то все видели, у кого глаза есть, а остальным рассказали, – а следы какие? Или еще кого?

А ведь и верно... мог. Если кто посторонний случился, к примеру, пошла Ринка сопернице волосы драть, да не дошла. Налетела на лихого человека, а тот магом и оказался. Вот и утворил, чего недоброго.

А лесник узнал.

Говорят же, что в лесу от лесника тайны нет.

Узнал, и... а вот тут – всякое быть может.

Испугался и удрал.

Потребовал денег за молчание. И тоже удрал.

Был убит со всей семьей. Если этот тип с Респенами справился, что ему один Шем? Мог и убить, а вещи собрать для отвода глаз, почему нет?

Брех подумал и подозревал Миха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.